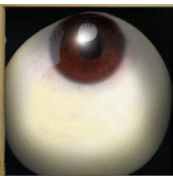

ЧАК

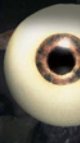
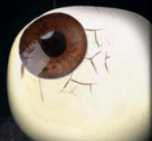

КЛОСТЕРМАН

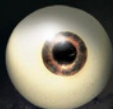
Бестселлер
New York Times

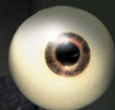
ЧЕЛОВЕК

ВИДИМЫЙ

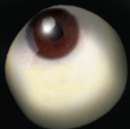
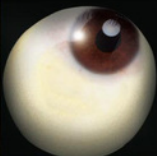
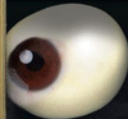

Это комедия,
хоррор или драма?
Сказать наверняка
сможет только
сам автор!

История о том,
что люди видят или
хотят видеть,
но, скорее, о том,
чего они не видят.
Очень глубокий
психологический
роман.

goodreads

Чак Клостерман

Человек видимый

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6701625

Человек видимый: роман: Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05008-3

Аннотация

Все началось с того, что у психоаналитика Виктории Вик появился необычный пациент. Он признался, что якобы с научными целями, пользуясь особой маркировкой, следит за людьми, проникая в их дома. Вики не могла в это поверить и пережила шок, когда странный человек продемонстрировал ей свой «феномен невидимости». Она не устояла перед мрачным обаянием неординарной личности, не почувствовала угрозы и, совершив непростительную профессиональную ошибку, не заметила, как сама стала предметом исследования для своего пациента. Не обращая внимания на предостережения мужа об опасности, она с нетерпением ждала каждого нового сеанса...

Содержание

Из офиса Виктории Вик	5
Часть первая	13
Беседы по телефону	13
Дополнение	22
Первое сообщение	23
Второе сообщение	24
Дополнение	33
Первое сообщение	34
Второе сообщение	36
Первый важный телефонный разговор	37
Второй важный телефонный разговор	59
Третий важный телефонный разговор	71
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Чак Клостерман

Человек видимый

This edition published by arrangement with Levine Greenberg
Literary Agency and Synopsis Literary Agency

The Visible Man – Copyright © Chuck Klosterman, 2011

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии
этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни
было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для
частного и публичного использования без письменного раз-
решения владельца авторских прав.*

* * *

Посвящается Мелиссе

Из офиса Виктории Вик

1711 Лаваца-стрит
Офис № 2
Остин, Техас 78701
vvic@vick.com
5 июля 2012

Кросби Бампусу
«Саймон и Шустер»
1230 авеню Америкас
11-й этаж
Нью-Йорк, 10020-1586

Мистер Бампус,

наконец-то отправляю вам свою рукопись. Признаться, я уже сомневалась, что когда-нибудь сделаю это, но вот – отважилась!

Странные чувства я испытываю, Кросби. Не знаю, как вы отнесетесь к моей работе, но у меня на душе одновременно и радостно и тревожно, и я готова принять любое ваше решение. Позвольте мне снова (в последний раз!) сказать, что мне очень приятен ваш неиссякаемый интерес к этому проекту, и выразить вам благодарность за постоянную поддержку, несмотря на опасения вашего издательства, коллег,

вашего нового бойфренда (!) и всех ваших скептически настроенных знакомых. Если книга получится, это станет подтверждением вашей проницательности и докажет, что вы не напрасно так упорно отстаивали свою точку зрения.

Хотя мы с вами неоднократно затрагивали этот вопрос в разговорах по телефону, для успокоения своей совести скажу еще раз: я вовсе не писатель. У меня нет ни малейших амбиций на этот счет, и это единственная рукопись, которую я когда-либо передавала издателю. Считаю также необходимым подчеркнуть (поскольку, скорее всего, работа моя вызовет некоторое недоумение, во всяком случае, у вашего ассистента и у сотрудницы из отдела рекламы вашего издательства, с которой я разговаривала), что я и не психиатр, хотя меня наверняка примут за него, если эта рукопись когда-нибудь увидит свет. Я не изучала медицину и не имею права выписывать лекарства. Очень важно открыто заявить об этом, ибо мне не хотелось бы вводить читателя в заблуждение. Получив степень бакалавра по психологии в колледже Дэвидсон Северной Каролины, я приобрела степень магистра в области социальной помощи. Ученой степени по психологии у меня нет. Ровно 21 год я работала психотерапевтом и психоаналитиком, но пациентов у меня было немного (не больше двенадцати в неделю), и среди них не было личностей, представляющих интерес для широкой публики, за исключением того человека, которого я описываю в прилагаемой рукописи. Не сомневаюсь, что мои профессиональные качества

подвергнутся резкому осуждению, но, если уж этого не избежать, хотелось бы, чтобы критика не была безосновательной.

Готова ли рукопись к изданию? Думаю, мы с вами, так же как и мой агент, так не считаем. Не знаю, как работает у вас служба проверки фактов, но вряд ли какая-либо служба примет на веру большую часть этого текста. Еще во время нашего первого разговора я сказала, что ничем не могу подтвердить изложенную мною историю. Все, чем я располагаю, – это магнитофонные записи разговоров (которые ничего не доказывают) и одна фотография, как кажется, пустого стула. А это означает, что с продажей книги неминуемо возникнут проблемы. Мне известно, что вы категорически против переделки работы в фантастическую повесть (мой агент уже объяснил мне, что подобная переделка повлекла бы за собой изменение условий договора и существенное увеличение суммы аванса), но лично я не вижу других вариантов. Разумеется, вы лучше меня посвящены в тайнства издательского дела, а потому я полностью полагаюсь на ваше мнение. Возможно, когда вы прочтете мою черновую рукопись, нам придется пересмотреть наш договор.

Пять пояснений, касающихся рукописи.

1. После второго, июньского, телефонного разговора с адвокатом фирмы «Скрибнер» я решила вместо имени или инициалов моего пациента использовать псевдоним Игрек. Теперь я понимаю, почему использование вымышленного имени создает новые проблемы. Поначалу я обозначала дей-

ствующее лицо буквами (В, затем К и потом М), но мой агент объяснил, что конкретные буквы могут вызвать недоразумения. Я по-прежнему готова выслушать вашу точку зрения на данную проблему, полагая, что она у вас имеется.

2. На первых моих занятиях с Игреком (и особенно когда мы общались только по телефону) я не вела подробных записей. Просто не видела в этом необходимости, в то время его случай не казался мне необычным. Я лишь делала, как это принято, краткие записи о содержании каждой беседы с Игреком, чтобы учитывать их в начале очередного сеанса. Эти записи я делала в форме коротких сообщений по электронной почте, которые отправляла на свой же электронный адрес, поэтому прошу прощения за некоторую бессвязность и неполноту суждений (я исправила только орфографические ошибки и расшифровала сокращения, оставив нетронутыми стиль и содержание разговоров). Разумеется, тогда мне и в голову не приходило, насколько невероятным окажется этот случай. Теперь я понимаю, что мне следовало задавать ему более основательные, конкретные вопросы о том, что происходило с ним на самом деле, но – заметьте – я не вела допроса! В мои намерения входила лишь помощь пациенту, поэтому право вести разговор я полностью предоставляла ему. И как же нам с этим быть? Я решила (во всяком случае, на данный момент) распечатать и передать на ваше усмотрение эти шесть электронных писем, адресованных мною самой себе. Они составляют первую часть моей рукописи под названием

«Беседы по телефону». Изложить ли их обычной прозой или лучше полностью исключить? Эта часть трудновата для чтения, и не все там понятно, но, как мне кажется, в ней много важных подробностей.

3. Осознав серьезность случая, я начала записывать на магнитофон все, что говорил Игрек (с его разрешения и даже по его настоянию). Большая часть рукописи представляет собой изложение нередктированных диалогов с Игреком, дополненных моими вопросами и попытками (в основном тщетными) подвести его к каким-то разумным выводам. Игрек, безусловно, оказался самым умным и образованным пациентом за всю мою практику. Его умение ясно и четко выражать свои мысли и произносить монологи просто поражало. Зачастую я видела в этом желание произвести на меня впечатление. У меня даже зарождалась смущающая мысль, не заучивал ли Игрек эти монологи, чтобы затем изложить их мне. Подозреваю, что Игрек (сознательно либо бессознательно) надеялся, что когда-нибудь я опубликую записи о нашей с ним работе, и потому хотел проявить себя занимательным рассказчиком. Он так и не сумел примириться с мыслью, что ему необходимо лечение. Правда, это очень облегчило мне работу над рукописью – в основном мне приходилось просто печатать в сыром виде то, что говорил Игрек. Но контраст между ясностью мышления Игрека и его поразительной неспособностью понять мотивацию своего поведения неизбежно сводил на нет кажущийся прогресс нашей

работы. С чисто профессиональной точки зрения я могу оценить свою работу с Игреком как полный провал. Не знаю, стоит ли разьяснять это читателю?

4. Кроме меня эту рукопись читал только мой муж Джон (кстати, ему уже намного лучше, и он просит меня поблагодарить вас за чудесную книгу о Хью Лонге¹). Джон подметил одну возможную проблему: он считает личность и поведение Игрека слишком противоречивыми и утверждает, что мое изображение этого пациента является следствием «прискорбного заблуждения». Теперь я понимаю, почему он так выразился, но в то время это определение показалось мне преувеличенным. Но если уж Джон увидел это несоответствие, то его заметят и другие читатели. Так как же мне объяснить данное противоречие? Как быть с тем фактом, что реально существующие люди чаще ведут себя непоследовательно и противоречиво, чем вымышленные герои? Нельзя забывать, что, несмотря на глубокий ум и своеобразное обаяние Игрека, он был и остается человеком с серьезно нарушенной психикой, без чувства собственного «я», абсолютно лишенным способности психологически поставить себя в положение другого человека и обладающим парадоксальным

¹ Лонг Хьюи Пирс (1893–1935) – американский политический деятель, радикальный демократ. Намеревался участвовать в президентских выборах 1936 года, но был застрелен. Его биография стала основой для романа американского писателя Роберта Пена Уоррена «Вся королевская рать», а сам он стал прототипом героя романа Синклера Льюиса «У нас это невозможно» (вышел в свет в 1935 году). (Примеч. пер.)

непониманием основных аспектов поведения людей. Полагаю, он не случайно обратился за помощью. И вместе с тем меня не оставляет мысль, что переделка этой документальной истории в художественное произведение помогла бы решить проблему этого противоречия. Может быть, если мы сделаем Игрека более предсказуемым, его личность будет выглядеть достовернее?

5. Если допустить, что эта рукопись все-таки станет книгой, то кое-кто может узнать в ее героях себя, и порой в довольно неприглядном свете. Мне тяжело об этом думать, но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Я считаю эту работу очень важной для культурного развития общества, а этот процесс редко происходит без потерь. И тем не менее он должен происходить. Думаю также, что включение эпизодов с участием этих конкретных историй придаст книге коммерческую ценность, и (как я объясняла в одном из своих электронных писем) я бы пренебрегла этими соображениями, если бы не нужда. Стыдно в этом признаваться, но вам известно мое положение. Так что, если уж без этого не обойтись, по крайней мере, постараемся воздать несчастным героям этих эпизодов то уважение, которого они достойны. Унижения заслуживаю я, но не они.

Пожалуй, это все. Простите, Кросби, за то, что сопроводительное письмо получилось таким длинным. Пожалуйста, подтвердите по телефону или по электронной почте получение рукописи. С нетерпением жду возможности поработать

вместе с вами. И, конечно, мне хотелось бы знать – можно ли считать получение рукописи одобрением или оно поступит только после того, как вы прочтете ее и отредактируете? Я спрашиваю только потому, что в нашем контракте оговорено условие: 25 % согласованного со мной аванса будет мне переведено после одобрения, а мой агент не может (или не желает) объяснить мне, когда оно поступит. Мне не очень приятно поднимать этот вопрос, поскольку это не совсем ваша епархия. Но – как я уже сказала – вам известна моя ситуация.

С наилучшими пожеланиями,

Виктория Вик

Часть первая

Беседы по телефону

От: thevickster@gmail.com

Отправлено: среда, 5 марта 2008, 19:34

Кому: vvick@vick.com

Тема: Игрек/пятница

Сегодня днем мне позвонил некто Игрек, местный житель, интересовался, нельзя ли как можно скорее договориться со мной о сеансах терапии. Суть проблемы не обозначил, голос был ровным, не возбужденным. Ближе к вечеру перезвонила ему. Сначала пациент был спокоен и задавал обычные вопросы относительно стоимости и времени сеансов. Тон разговора сразу изменился, когда пациент категорически заявил, что все сеансы будут проводиться только по телефону (и что это условие не обсуждается). Объяснив Игреку, что это не проблема, я вскользь поинтересовалась, почему его не устраивают обычные встречи с глазу на глаз. Пациент сразу разволновался и сказал что-то вроде: «Это не ваша забота». Когда я заметила, что такая постановка вопроса может негативно повлиять на наше общение, звонивший саркастически усмехнулся, но затем извинился. Мы еще раз

обсудили мой гонорар, я объяснила, что Игрек мог бы оплачивать его своей страховкой, но оказалось, у него нет медицинской страховки. Затем я сказала, что ему нужно будет заполнить несколько стандартных бланков, но он заявил: «Никаких бланков, я не заполняю никаких бланков! Я располагаю наличными средствами. Обойдемся без бланков». Это немного необычно, но бывает. Мы поговорили о нашем общем отвращении к бумажной работе. Договорились о телефонном сеансе ориентировочно на 10 утра в пятницу. На этом разговор закончился. Трудно сказать, указывает ли его требование на робость, агорафобию или наркотическую либо алкогольную зависимость. Сомневаюсь, что пациент снова позвонит, но на всякий случай зарезервировала за ним 10-часовой сеанс.

Отправлено с моего планшета «Блэкберри».

От: thevickster@gmail.com

Отправлено: пятница, 7 марта 2008, 22:11.

Кому: vvick@vick.com

Тема: Игрек/пятница (1)

Сегодня утром начала работать с Игреком. Позвонил ровно в 10 утра. Пациент казался оживленным, но непредсказуемым, ничем не оправданная агрессивность сменялась многословными извинениями. Я начала разговор со стандарт-

ных вопросов. Игрек уклонился от ответа. Сказал, что в настоящий момент я не смогу понять его причины. Я решила дать ему время на эмоциональную адаптацию. Затем получила ответы на следующие вопросы:

Возраст: 33

Занятие: отказался отвечать (безработный?)

Адрес: отказался отвечать

Семья/медицинская история: отказался отвечать, но заявил, что здоров

Разговор шел по замкнутому кругу, что было вполне предсказуемо. Я дала Игреку понять, что лечение не даст результатов, если он не объяснит, почему нуждается в этих сеансах. Он соглашался со мной и в то же время проявлял упорство. Практически на каждый мой вопрос Игрек отвечал тем, что задавал мне похожие вопросы. Главным образом он как бы в шутку интересовался, похожа ли я внешне на Лорейн Бракко, актрису, которая играла психиатра в давнем сериале «Клан Сопрано». Когда я в том же шутовском тоне заметила, что чуть ли не каждый мой пациент мужского пола острит на этот счет, он вдруг оскорбился и не пожелал принять мои поспешные извинения. На тридцать пятой минуте я начала расспрашивать о его настроении, спросила, испытывал ли он когда-либо депрессию. Он сразу ответил: «Да, и очень сильную», но отказался объяснить ее причины, несколько раз повторив, что его проблемы носят более «исключительный» (его слово) характер, чем я могу «ожидать» (его слово).

Когда я сказала, что пациенты, впервые обратившиеся к врачу, обычно уверены в исключительности своего случая, он ответил мне длинным и абсолютно не смешным анекдотом про клоуна. Смысл анекдота следующий. Маленький мальчик испытал сильное унижение в цирке. Клоун выбрал его объектом своей шутки, вызвав хохот всего зала. В результате мальчик, став взрослым, постоянно придумывал самые смешные и остроумные ответы на публичное оскорбление. Он даже отправился в Тибет (?) изучать древнее искусство добродушного подшучивания. Спустя годы мальчик, ставший уже взрослым мужчиной, приводит в цирк своего сына, и работающий на арене все тот же клоун – по неизвестной причине – пытается сконфузить этого человека, выпустив в него из бутылки струю сельтерской воды. Но человек долгие годы готовился к этому моменту. Он вытирает лицо носовым платком, смотрит своему противнику прямо в глаза и говорит: «Пошел ты к черту, шут гороховый!» (Похоже, эта фраза и составляла соль анекдота.) Непонятно, какое отношение имеет анекдот к его уверенности в собственной исключительности. Сразу после истории с клоуном разговор окончился. Игрек согласился позвонить в следующую пятницу.

Примечание. Если Игрек и страдает какой-либо зависимостью, то не похоже, что во время разговора он был под действием алкоголя или наркотика. В его речи и образе мыслей не было ничего примечательного (но не стоит исключать употребление кокаина, поскольку иногда его речь станови-

лась слишком возбужденной и неразборчивой). Больше беспокоит его пристальное, преувеличенное внимание к мельчайшим подробностям своей жизни – он считает их невероятно значительными. Постоянно употребляет примерно такие фразы: «У меня это по-другому. Для меня все иначе». Игрек вкладывает слишком много эмоций в некую неопределенную, невыраженную словами идею (относительно своего чувства «я»), и эта эмоциональная напряженность преобладает над остальными чертами его психики. Можно предположить одержимость идеей фикс или соматическое психическое расстройство, но для более точного диагноза требуется больше информации. На это уйдет какое-то время. На данный момент я не слишком за него беспокоюсь. Мне не кажется, что пациент в опасности.

Отправлено с моего планшета «Блэкберри».

От: thevickster@gmail.com

Отправлено: пятница, 14 марта 2008, 14:02

Кому: vvick@vick.com

Тема: Игрек/пятница (2)

С Игреком никакого прогресса. Поначалу общение было нормальным (он рассказал, что у него сразу поднимается настроение, когда он слушает песни бывшего члена группы «Битлз» Джорджа Харрисона), но вскоре ситуация резко из-

менилась. Я снова попыталась навести разговор на причины, побудившие его обратиться к специалисту. Это быстро привело его к получасовому «интеллектуальному тупику» (его выражение). Он сказал, что «хочет видеть то, что видят другие», но не пояснил, что это значит. В ответ на мое обычное уточнение «А что, по-вашему, видят другие люди?» он засмеялся и, назвав мой прием «дилетантским», посоветовал мне «профессионально совершенствоваться». Тогда я предложила ему обратиться за помощью к другому психоаналитику. Он тотчас попросил прощения, но с оговоркой – он сожалеет, что обидел меня, но слова свои обратно не возьмет. Я понимала – этот обмен репликами только обостряет наши отношения, решила сменить тему, чтобы он успокоился, и заговорила об альбоме Харрисона, о котором он упомянул в самом начале. Он выразил восторг песней под названием Be Here Now. Я спросила, чем ему так нравится эта песня, он ответил: «Тем, что Харрисон признает себя виновным в том, что стал состоятельным, и он сам сознает свое лицемерие, когда, с одной стороны, пропагандирует нравственные принципы индуизма, а с другой – ведет роскошную жизнь мировой знаменитости». Игрек был явно доволен своим анализом. «Если бы он на самом деле верил в то, о чем поет, – сказал он, – ему вообще не нужно было сочинять и записывать эту песню. Все это чистая ложь. Харрисон написал эту песню, желая признаться, что не может быть таким человеком, он лишь притворяется». Это предполагаемое противо-

речие казалось ему очень забавным. Не зная песни, я ничего не сказала. Вскоре сеанс подошел к концу, и он попрощался, любезно поблагодарив меня (скорее всего, это было чистой формальностью).

Примечание. Я приобрела Be Here Now через компьютерное приложение iTunes, сначала спутав ее с другой песней под тем же названием. Хотя я прослушала песню только два раза, интерпретация текста Игреком поразила меня необычным цинизмом. Кажется, он намеренно извратил смысл текста. Может, я придаю слишком большое значение этому эпизоду второго сеанса, но теперь меня беспокоит не столько его зависимость от алкоголя или наркотиков, сколько вероятность клинической депрессии и/или специфического разрыва с реальностью – можно предположить, что Игрек страдает глубокой депрессией. Решила на следующей неделе быть с ним более настойчивой.

Отправлено с моего планшета «Блэкберри»

От: thevickster@gmail.com

Отправлено: пятница, 21 марта 2008, 10:44

Кому: vvick@vick.com

Тема: Игрек/пятница (3)

Сегодня утром сеанс прошел ужасно. И целиком по моей вине. Начала разговор, предъявив Игреку ультиматум: сказала, что если он не желает говорить о причинах обраще-

ния к психоаналитику, то я не желаю продолжать наши сессии. Сделала я это только для того, чтобы он понял, что очень затрудняет мне работу, и наконец рассказал о своих проблемах. Сначала он отреагировал более или менее спокойно: усмехнулся и поинтересовался, с какими проблемами мне обычно приходится иметь дело. Я ответила, что самая распространенная проблема моих пациентов – это состояние тревоги. Он резко отмахнулся: «Тревога не может быть серьезной проблемой. Это типичное состояние современного человека». Я спросила, почему он так считает, и он начал объяснять, как вдруг прервался на полуслове и спросил: «Как вы выглядите?» Я сказала, что вряд ли это имеет значение, коль скоро мы общаемся исключительно по телефону. Игрек: «Для меня это имеет значение». Я заметила, что он умышленно отклоняется от предмета разговора. Он заявил: «Нет, **именно это** и является предметом разговора (он сделал ударение на выделенных словах). О чем бы я ни пожелал говорить, это будет нашим предметом». Я сказала, что моя внешность к делу не относится. Нет, возразил он, относится. Каким образом, спросила я. Он ответил: «Если вы сейчас это не понимаете, значит, не поймете. С какой стати мне объяснять вам то, что вы просто не способны понять? Почему вы не отвечаете на мой вопрос? Я-то способен понять ответ». Тон его был уверенным и требовательным. Я поинтересовалась, не связан ли этот вопрос с упоминавшейся им героиней Бракко (из «Клана Сопрано»). Он ответил:

«Нет, конечно.

Забудем об этом». Я объяснила, что выгляжу обыкновенно, у меня рыжие волосы. Игрек: «Понимаете, важно лишь первое. Если вы выглядите обыкновенным человеком, это уже интересно. А какого цвета у вас волосы, мне безразлично. Это как раз не важно. Цвет ваших волос не имеет значения. Вы не понимаете, что важно, а что – нет». Я спросила, считает ли он, что сам выглядит обыкновенным человеком. Он сказал: «Нет, вовсе нет. Ни в коей мере». А как, по его мнению, выглядит обыкновенный человек, задала я вопрос. И тут он без объяснений выключил телефон. Разговор длился меньше десяти минут.

Примечание. Сильно подозреваю, что Игрек привязан к дому из-за своей тучности. Либо из-за какого-то физического уродства – не получил ли он травму при рождении? В срыве сеанса виновата только я. Абсолютно не предусмотрела этот (вполне очевидный) вариант, особенно если вспомнить его анекдот из первого сеанса о мальчишке и клоуне. Сегодня я потерпела неудачу. В следующий раз надо быть умнее. На следующей неделе быть умнее. Вики, будь умнее!

Отправлено с моего планшета «Блэкберри».

Дополнение

2

Ночью после этого эпизода я получила от Игрека два голосовых сообщения, которые записались на жесткий диск моего офисного компьютера (через телефонную службу Vonage). Ниже помещено содержание обоих сообщений. Такое впечатление, что Игрек читал текст по бумажке. Во время второго сообщения он отклонился от заранее написанного текста – однако сейчас я подозреваю, что он сделал это намеренно, чтобы создать иллюзию импровизированной речи. Оба сообщения были прочитаны им медленно и с выражением. Вдали слышались тихие аккорды ситара. Продолжительность первого сообщения 48 секунд. Продолжительность второго сообщения 222 секунды.

² Звонки поступили в субботу в 2:55 и 3:03. Оба разговора записаны в субботу, 22 марта, в 8:55.

Первое сообщение

«Добрый вечер, Вики. Это говорит Игрек. Я хочу... хочу извиниться за свое вздорное поведение во время сегодняшнего телефонного разговора. Я понимаю ваши задачи и не знаю, почему я отреагировал так. ну как отреагировал. Я не хочу, чтобы наши отношения испортились. До сих пор мне нравились наши занятия. На мой взгляд, они проходят исключительно хорошо. Я уже пытался работать по меньшей мере с четырьмя психоаналитиками, но не с одним из них не общался так долго, как с вами. Мне нравится ваш подход. Seriously, мне нравится ваш подход. Вы не фанатик диктаторства, вообще не сторонник властности. Вы не возражаете против того, чтобы играть. меньше чем главную – полудо-минантную роль во время наших сеансов. Мне это нравится. Это я ценю в вас больше всего. Это то, что (неразборчиво). Так что, надеюсь, мы забудем об этом эпизоде. Я позвоню вам в следующую пятницу, и мы просто продолжим работать. Хорошо? Если вам неинтересно продолжать нашу работу, мы можем обсудить этот вопрос. Я думаю (неразборчиво). Еще раз спасибо. Это был Игрек».

Второе сообщение

«Вики, это опять Игрек. Так вот... Вы сказали – еще раз напоминаю, это было сегодня утром, по телефону, – что вам нужно знать причины, побудившие меня обратиться к психоаналитику, и что без этого вы не сможете мне помочь. У меня на этот счет другое мнение. Мне не кажется, что это так уж важно. Но раз вы в этом уверены, я готов пойти вам навстречу. Если иначе вы не можете работать со мной, предлагаю вам следующий компромисс. Как я уже сказал, я очень ценю ваш подход. Но вы должны примириться с тем, что никогда по-настоящему не поймете мои причины, что бы я ни сказал вам о себе. Вы никогда полностью не поймете мои проблемы. Я понимаю, вам, как профессионалу, с этим трудно смириться. Вы рискуете утратить уверенность в себе. Собственно, дело в том, что, в возрасте двадцати с лишним лет я работал в одной из самых передовых областей науки. Я понимаю, это звучит (неразборчиво), но только этим я могу объяснить свои затруднения. Говоря простым языком, я имел дело с проблемой отражения световых волн от биологического (неразборчиво), хотя это никому ничего не говорит, как и вам, конечно. Вообще-то я бы посоветовал вам вообще не думать о взаимосвязи научных занятий с моим состоянием. Вам нужно только знать, что благодаря моим научным познаниям мне довелось совершить кое-какие неблагоприят-

ные, сомнительные поступки... Хотя нет. Позвольте мне выразиться иначе. Я должен перефразировать эту мысль. Благодаря моим научным познаниям в биологии я совершил кое-какие поступки, которые могут быть восприняты обществом как предосудительные. Хотя с точки зрения здравого смысла в этих поступках нет ничего сомнительного. Я не вижу в них ничего подобного. И думаю, они не покажутся такими ни одному рассудительному человеку. Я рассматриваю свои действия как положительные. Но я знаю, что общество со мной не согласится. Я отдаю себе отчет в том, что обычные люди оценят мои действия как преступление. Но это уж их дело. Их понятия о зле меня не касаются. Но поскольку все мы воспитаны в одном обществе и поскольку я, сам того не желая, усвоил многие недостатки, присущие остальным, я не могу не испытывать чувство вины за свои действия. Не саму вину, ибо я точно знаю, что не сделал ничего дурного. А чувство вины. Я испытываю именно чувство вины. И оно так же разрушительно для здоровья, как и сама вина. Вот о чем мне необходимо говорить с вами. Я хочу научиться справляться с этим чувством. А еще мне нужно, чтобы кто-то объективно взглянул на мои действия и сказал мне то, что я и так знаю, а именно что я не сделал ничего дурного. Я уже сказал – умом я все это понимаю. Мне нужно осознать это эмоционально. Вот с этого в следующий раз мы и начнем. Спокойной ночи, Вики. Это опять был Игрек».

От: thevicster@gmail.com

Отправлено: пятница, 28 марта 2008, 14:00

Кому: vvick@vick.com

Тема: Игрек/пятница (4)

Неужели настал перелом? Сегодня днем с Игреком значительный прогресс!

Начала разговор, поблагодарив Игрека за его ночные послания по телефону в прошлую пятницу, заметив, что время их отправления – независимо от их содержания – говорит о некоем прогрессе. Игрек робко поблагодарил. Я спросила его, не отправил ли он эти послания из-за того, что никак не мог уснуть. Игрек сказал, что иногда он спит днем, но только потому, что ему так удобнее (а не из-за проблем со сном). «Моя работа требует, чтобы я бодрствовал ночью и ранним утром», – сказал он и шутливо сравнил себя с несколькими животными, ведущими ночной образ жизни. Его метафора была вполне оправданна, но все же я усмотрела в ней некую нарочитость – казалось, он упомянул экзотических животных, чтобы придать себе веса, продемонстрировать свои знания в зоологии. Но я не стала дальше обсуждать эту тему из опасения нарушить нашу только что обретенную доверительность.

Спустя десять – пятнадцать минут разговора я обратилась к трем наиболее интересным пунктам его второго послания.

Примечание для читателя. Больше всего я жалею, что не записала на магнитофон именно этот разговор с Игреком. Зная то, что мне стало известно теперь, я почти наверняка могу сказать, что это была самая богатая подробностями беседа, во всяком случае в том, что касается научных пояснений. Но тогда мне казалось, что мы просто расчищаем себе дорогу для дальнейшего сотрудничества. Стыдно признаться, но в самый важный момент рассказа, вместо того чтобы внимательно слушать его, обдумывала дальнейшую тактику расспросов. Поэтому не могу слово в слово процитировать слова Игрека – а ни один репортер *The American-Statesman*³ не осмелился бы использовать такого рода записи для официального отчета. Так что далее я помещаю мои теперешние попытки передать своими словами обильно пересыпанное научными терминами объяснение Игреком своей истории. Хотя я не могу пожаловаться на память, самые важные подробности я не запомнила, о чем до сих пор очень сожалею.

1. «Самая передовая область науки». Эта фраза показалась мне странной и претенциозной. Я спросила, почему он так выразился. Он пустился в непонятные и явно спонтанные объяснения о научной проблеме, которую назвал чем-то вроде «теории эпидермической рефракции». Игрек пояс-

³ Ежедневная газета города Остин. (Примеч. пер.)

нил, что эти изыскания проводились на средства из военных фондов, но что сам он – человек сугубо штатский, которого пригласил на работу университет Чеминейд на Гавайях. Свое объяснение он предварил фразой: «Вам этого не понять» – и опять заявил, что подробности его изысканий не важны. Я попросила его продолжать. Как теперь выясняется, он либо говорил правду, либо умышленно пытался сбить меня с толку. Я понятия не имею, пытался ли он своими исследованиями решить или, наоборот, создать какие-то проблемы. Важно то, что он принимал участие в изысканиях, которые он назвал «проектом маскировки». В какой-то момент он спросил, видела ли я фильм «Стартрек», я ответила – нет. Несколько раз он использовал термин «отрицательный рефракционный индекс». Я попросила объяснить все это попроще, и он сказал приблизительно следующее: «Представьте себе, что вы смотрите на женщину спереди, но видите только то, что находится у нее за спиной». Он говорил о каком-то «прозрачном костюме». Трудно сказать, говорил ли Игрек а) хотя бы отчасти правду или б) это был плод его фантазий, но сейчас я все больше верю, что Игрек, как минимум, имел какое-то отношение к науке. Ясно, что эта связь не позволяет сбросить со счета его псевдологические фантазии, которые обычно называют патологической ложью (и парадоксальным образом может обогащать их). Эту часть его лекции я просто не могла понять. Когда я в этом призналась, он вежливо посоветовал мне больше не требовать от него

объяснений, поскольку это лишь пустая трата времени. Я вынуждена была согласиться. Он был явно доволен, что добился от меня отказа от дальнейших требований объяснений.

2. «Сомнительные поступки». Я напомнила ему, что он говорил о каких-то преступных или предосудительных поступках, но он тотчас отрекся от прежних определений. Тогда о чем он говорил, спросила я. Он ответил: «Я имел в виду слежку. Проникновение в частную жизнь людей. Проникновение в их жилища. Тайную слежку. Я занимался тайной слежкой за людьми. В замаскированном виде. Иногда совершал кражи, которые никто не замечал. Я вообще обкрадывал людей». Я спросила, что значит «обкрадывал людей». Игрек ответил: «Я использовал жизнь людей без их согласия». Я попросила объяснить. Он сказал что-то вроде: «В какой-то момент меня стало интересовать только одно: как люди ведут себя наедине с собой. Но это невозможно понять, когда человек знает, что за ним наблюдают». Затем он сказал, что традиционный метод изучения человеческой психологии – это расспрашивать их о себе, но, по его мнению, это бесполезно. «Тот факт, что ты задаешь человеку вопросы, полностью обесценивает его ответы», – заявил он и спросил, знакома ли я с принципом неопределенности Гейзенберга⁴. Когда я ответила утвердительно, он заметил: «Значит, вы уже

⁴ В квантовой механике принцип определенности предполагает, что акт измерения одной величины частицы – будь то ее масса, скорость или пространственное положение – мешает измерить остальные величины. Другими словами, сам процесс изучения объекта изменяет этот объект.

понимаете, почему психология терпит неудачу».

Мне хотелось расспросить его об этом подробнее, но время нашей беседы подходило к концу, и я перешла к третьему моменту.

3. «Чувство вины». Думаю, это была самая важная фраза в ночном послании Игрека (и причина его обращения за помощью). Я спросила, какая разница между «виной» и «чувством вины», поскольку вина и есть чувство (как и любое другое). Игрек с негодованием возразил мне: «Человек чувствует свою вину, когда субъективно размышляет о своих поступках и приходит к заключению, что его поступки были неправильными с объективной точки зрения. Человек испытывает чувство вины, когда объективно размышляет о своих поступках и приходит к выводу, что они были неправильными с субъективной точки зрения. Моя проблема заключается в том, что я объединяю обе эти точки зрения». Меня поразили одновременно и мнимая глубокомысленность, и продуманность этой формулировки – создавалось впечатление, что он весь месяц ждал момента озвучить ее. Когда я попросила его повторить свое объяснение, он тотчас это сделал (и в тех же выражениях, что усилило мои подозрения в том, что объяснение было заученным). Я спросила, почему его так беспокоит мысль об ощущении вины. Игрек: «Отчасти потому, что я не заслуживаю чувства вины, но главным образом оттого, что оно меня тревожит».

В эту минуту я заметила, что наша беседа длится на пять

минут дольше отведенного на нее времени. Это был уже четвертый сеанс, поэтому мы обсудили сумму моего гонорара. Так как третий сеанс был прерван (и по моей вине, хотя я этого не признала), я отказалась от гонорара за него. Игрек выразил мне благодарность за справедливый подход. Я сказала, что счет составит 450 долларов. Он отклонил мое предложение направить ему подтверждение в получении платежа по электронной почте.

Отправлено с моего планшета «Блэкберри».

От: thevickster@gmail.com

Отправлено: пятница, 4 апреля 2008, 23:04

Кому: vvick@vick.com

Тема: Игрек/пятница (сеанс не состоялся)

Странно. Игрек не звонит. Учитывая прогресс, достигнутый в прошлый раз, я очень надеялась на сегодняшний сеанс. Теряюсь в догадках. Но стараюсь не очень волноваться. Он мог пропустить звонок по самым разным причинам. Необходимо сохранять трезвый подход к данному случаю. Не хочу, чтобы снова повторились ситуации, как (удалено) и (удалено)⁵. Тем не менее я разочарована, потому что начала на-

⁵ Речь шла о двух прежних пациентках. В обоих случаях я приняла слишком большое участие в их проблемах (у одной они были связаны со смертью ребенка, а у другой – с изнасилованием, имевшим место во время пребывания в тюрьме). И в обоих случаях мне пришлось просить досрочно прервать лечение.

ходить настоящий интерес в беседах с Игреком и терзаюсь любопытством по поводу подлинности его личности.

Примечание. Во вторник получила 450 долларов, посланных обычной почтой наличными: двадцать две купюры по 20 долларов плюс две по 5. Самая крупная сумма, которую я когда-либо получала по почте. Довольно рискованно, по моему.

Отправлено с моего планшета «Блэкберри»

Дополнение

6

Поступило еще два голосовых сообщения Игрека, на этот раз с объяснением пропуска сеанса. В отличие от предыдущих сообщений, казалось, он говорил без подготовки. Время первого сообщения 299 секунд, второго – 19 секунд.

⁶ Сообщения были получены в субботу в 3:00 и в 3:03 часа ночи. Оба сообщения записала в субботу, 5 апреля, в 9:58 утра.

Первое сообщение

«Добрый вечер, Вики. Говорит Игрек. Прежде всего хочу извиниться за то, что пропустил утренний сеанс. Не подумайте, что я об этом забыл. Я решил не звонить вам, но только потому, что обдумывал ваши слова во время прежних сеансов – правда, я действительно думал о том, что вы сказали, – и решил, возможно, вы были более правы, чем я сначала думал. Сегодня утром я смотрел одно телешоу – и мне пришло в голову, что люди, которые не любят говорить о себе, ограничивают свои потенциальные возможности. Им кажется, что этим они ограждают себя от какой-то абстрактной опасности, но на самом деле позволяют другим судить о себе. Так было с Джорджем Харрисоном. Он был скромным парнем, не любил говорить о себе, верно? Но вместе с тем он был членом группы «Битлз», о которой люди вольны воображать что угодно. А я (неразборчиво) делать это (неразборчиво). Не потому, конечно, что я сравниваю себя с одним из «Битлз», но я думаю, что вы (неразборчиво). А может, я немного похож на битла, в своей области. И вот мое предложение: когда я позвоню вам в следующий раз, никаких вопросов не будет, во всяком случае с вашей стороны. Мне нужно рассказать вам о том, что со мной происходило, а вам ведь очень важно получить полное представление о моей жизни. И, как следствие, понять мои проблемы. И если все

пойдет хорошо, а я на это надеюсь, мы сможем встретиться – так сказать, лицом к лицу – и начать более прямой и открытый разговор. Вот чем мы будем с вами заниматься. Вы согласны? Я позвоню на следующей неделе, и вы выслушаете меня. Говорить буду я, а вы помолчите. Но это не значит, что вам нельзя будет поздороваться или спросить меня о том, что вы не смогли понять. Однако советую вам задавать только самые необходимые вопросы, хотя, как я понимаю, это не совсем в вашем характере. Кое-что из того, что я вам расскажу, будет просто невозможно понять, так что не стоит ломать голову над моим состоянием, это не поможет нам добиться успеха. Во-вторых, я не хочу внушить вам ложную уверенность в том, что вы сможете незаметно для меня вести разговор в нужном вам направлении, задавая невинные на первый взгляд вопросы с определенной целью. Это у вас не получится. Я знаю, что каждый умный человек уверен в своем умении исподволь руководить разговором, и знаю, что...»

Второе сообщение

«Меня прервал ваш аппарат. Вам следует поставить запись на более продолжительное время. Но я просто хотел сказать – я знаю, что сделал бы любой умный человек, окажись он в таком положении, в которое ставлю вас я. Я понимаю, что мое требование выглядит слишком бесцеремонным. И все-таки, надеюсь, вы удержитесь и не станете меня прерывать. Когда этот процесс начнет стремительно развиваться, вам будет чем заняться. Вики, не надо забивать себе голову фантазиями. Я не чудище болотное, Вики, и не человек-невидимка. Я не вампир и не Бог. Я просто невероятно интересный человек. Спокойной ночи, Вики».

Первый важный телефонный разговор

После консультации с доктором Джейн Долэнгрэ, моим психоаналитиком и бывшей преподавательницей психологии в колледже, я пришла к заключению, что вполне могу принять условия, предложенные Игреком в его голосовом сообщении. Чем я рисковала? Почему бы не позволить Игреку рассказать все, что, по его мнению, мне следовало знать? Ведь в этом и состоит цель лечения – создать клиенту комфортные условия, в которых он сможет дать выход своим эмоциям. Предоставить ему возможность говорить с тем, чтобы его собственные слова запечатлевались у него в сознании, и это поможет ему осознать их истинный смысл. Так я размышляла в то время. Понятно, что теперь это решение не кажется мне самым удачным. Но мы с Джейн рассудили, что, если Игрек действительно так умен, как я думаю, он может легко склониться к тем выводам, к которым я его подтолкну.

Пояснение. 11 апреля я начала разговор со слов: «Я готова вас выслушать», после чего Игрек проговорил без перерыва целых 43 минуты. И тут только я заметила, что у нас осталось всего две минуты. Приводимая запись не является полным изложением его монолога и нашего последующе-

го разговора, поскольку, напечатанный с одним интервалом, он занимает более 2400 страниц. Я выбрала только те пассажи, которые представляются мне самыми важными и выразительными. Те, кто пожелает ознакомиться с полной печатной версией, могут обратиться в архив психиатрической библиотеки Техасского университета, куда ее передал Дэниэл Арелано, местный специалист по социальной истории. Эти записки также перенесены на микроленку, которую можно получить в офисе генерального прокурора по адресу: Уильям П. Клементс Билдинг, 300, 15-я Вест-стрит, г. Остин, Техас.

Примечание для К. Бампуса. Для удобства чтения и ясности я предпочла изложить данный монолог Игрека в повествовательной форме. Я сама решала, где сделать абзац, применить курсив или необычную пунктуацию, где сокращенно изложить особенно громоздкие отрывки. Однако все эти решения диктовались единственным желанием – передать размышления Игрека в манере, которая наилучшим образом выражала бы мои впечатления. Если у вас возникнут сомнения, мы можем обсудить этот вопрос позднее.

11 апреля (Игрек звонит в офис, 10:00 утра)

– Итак, начнем. Вот на каких условиях я согласен с вами говорить. Вы, наверное, думаете, что я окажусь челове-

ком, который, обратившись к психоаналитику, целых полтора месяца только и говорит о том, как он не любит говорить о себе, но я не такой. Никогда не пойму, что заставляет людей так лицемерить. Может, им кажется, что окружающие с осуждением относятся к их самокопанию, и потому они стремятся доказать, что вовсе не поглощены собой, хотя весь процесс психотерапии и состоит в критическом осмыслении причин озабоченности человека своими проблемами. В наше время уже никто не считает, что лечиться бесполезно. Правда? Только человек невежественный и ограниченный решится сказать это вслух, поскольку все мы приучены понимать важность лечения. Вы согласны? Однако как раз когда человеку уже некуда отступить, когда он уже пришел на сеанс к психоаналитику, зная, что платит ему деньги именно за то, чтобы говорить с ним о своей жизни, открывая ему доступ в свой внутренний, подсознательный мир – ему страшно хочется сделать вид, что на самом деле его ничего не беспокоит, и он говорит: «Понятия не имею, зачем я сюда пришел», или «Мне не очень приятно говорить о себе», или «Даже не знаю, что мне, собственно, нужно понять». Это чисто детская позиция. То есть я хочу сказать – разве все мы не понимаем, о чем нужно говорить с психоаналитиком? Вы прибегаете к лечению, чтобы понять о себе самые простые вещи: почему я здесь? Что со мной происходит? Что все это значит? Здесь нет ничего сверхсложного. Я понимаю ваши ожидания. Я намерен говорить именно о себе, о своих пере-

живаниях. Я не стану вам сопротивляться. У меня нет этих дурацких предубеждений.

Я пытаюсь возразить, что никаких особых ожиданий у меня нет. Игрек сразу прерывает меня:

– Подождите. Помолчите, пожалуйста. Вы уже все порти-те. О чем мы с вами договорились? Разве мы не условились, что вы не будете меня прерывать? Мы договорились, что этот сеанс не будет взаимной перепалкой. Это не эпизод из сериала «Лечение», а вы – не Боб Ньюарт. Мне не нужны ваши уверения. Может, какие-то наркоманы, на которых вы зарабатываете себе на жизнь, и нуждаются в подобных заверениях, но мне они не нужны. Может, я неясно выразился? Тогда объясню еще раз. Если вам нужно будет задать какой-нибудь уточняющий вопрос, пожалуйста, спрашивайте. Наш разговор будет бессмысленным, если вы не сможете что-то уточнить, а я не хочу оставлять вас в недоумении. Но мы договорились, что это не будет похоже на болтовню по телефону в духе Норы Эфрон⁷, где некто несет какую-то чушь, а ты сидишь на другом конце провода и киваешь как китайский болванчик. Мы так не договаривались. Мы договорились совсем о другом. Если я что-то не понял в нашей договоренности, объясните мне. Потому что я хочу общаться только так, как я сказал. Я, и только я решаю, как мы будем работать.

Если вы принимаете мои условия, то ничего не говорите.

⁷ **Нора Эфрон** (1941–2012) – американский режиссер, продюсер, сценарист, новеллист, журналист, писатель и блогер. (Примеч. пер.)

Если нет, так и скажите.

Десять секунд молчания.

– Ну хорошо. Благодарю вас, Вики. Я ценю ваше желание работать со мной.

Так, с чего начать? Наверное, лучше начать с того, что моим страстным желанием, практически с детства, было стремление понять правду о человеческой натуре. Да, я не ошибаюсь и не преувеличиваю, с раннего детства. Не подумайте, что во мне говорит гордыня и мне безразлично, если это звучит самодовольно или неправдоподобно. Так оно и было, таким уж я уродился. Помню, я был еще малышом, смотрел на людей и думал: а какие они на самом деле? Например, смотрел на маму и думал, какая она и что она на самом деле чувствует, как ее материнское мировоззрение соотносится с моим собственным. Разумеется, тогда я еще не знал таких умных слов, как мировоззрение, но оно было у меня. С моим братом мама была одной, с моим папой – другой, когда разговаривала по телефону, становилась уже третьей. Так почему я должен быть единственным, кто видит ее такой, какая она есть, настоящей? Я играл в одиночестве в своей спальне, выстраивал на полу маленьких солдатиков в зеленой форме или швырял в окно поролоновый мячик, словом вел себя как все дети. Я вовсе не был ненормальным. Но постоянно ловил себя за размышлениями о серьезных и непонятных вещах. Я говорил сам себе: «Знаешь, я действительно такой. Сейчас, вот здесь – это я. И только сейчас я такой, какой я

есть». С родителями, с другими ребятами, сидя на скамье в церкви или за партой в школе, я был кем-то другим. Я был версией самого себя, но не самим собой. Я осознал это раздвоение раньше, чем что-либо другое. Я понял это раньше, чем мог объяснить это другим или даже самому себе (моему сознанию). Вопрос этот неотвязно преследовал меня, когда бы я ни был на публике: «Кто эти люди? Какие они на самом деле?» Я чувствовал, что это самый главный вопрос. Я знал, что смотрю на мир, которого нет. Я знал, что смотрю на симулякр жизни, хотя не знал этого слова и еще лет десять не мог определить это понятие. Сколько я себя помню, это единственное, что занимало мой ум. Все, что я делал, чего достиг... все было направлено на поиски ответа на этот вопрос. Так вот с чего мы начинаем. Мы начинаем с установления того факта, что вся моя жизнь, все мои поступки были посвящены стремлению понять, каковы люди на самом деле. Если я совершал дурные поступки, или если мы сойдемся во мнении, что эти поступки можно рассматривать как дурные, или если кто-то косвенно пострадал, потому что мои поступки вызвали эффект домино – каждый раз мы должны оценивать эти последствия на фоне полученных знаний о человеческой натуре. Или – в некоторых случаях – знаний, которые я рассчитывал получить в результате какого-либо предприятия, хотя из этого ничего не получилось. Я говорю это только для того, Вики, чтобы вы не стеснялись критиковать меня. Большинству не нравится, когда их критикуют, но

я не отношусь к этому большинству. Вы можете смело говорить мне все, что вы обо мне думаете. Однако я настаиваю на том, чтобы вы судили обо мне справедливо, а для этого вам необходимо знать, что каждый мой поступок имел основание, вескую причину. У меня всегда были самые добрые намерения. Правда, недаром говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. И все время помните – я допускаю, что мог ошибаться. Тогда нам с вами будет легче во всем разобраться. Я приму любую оценку моей личности, но лишь в том случае, если она будет справедливой и взвешенной.

Вернемся ко мне. Я всегда был особенным. Детям обычно нравится считать себя не похожими на других, но я действительно был исключительным ребенком. Я рассуждал о таких вещах, о каких другие в моем возрасте понятия не имели. Я пошел во второй класс, но уже через неделю меня перевели в третий класс. Когда по возрасту я должен был пойти в восьмой класс, меня перевели в девятый. В пятнадцать лет я уже окончил школу. Обычно это очень плохо для ребенка. Он становится неуверенным в себе, закомплексованным и ранимым. Я видел – такое бывало с другими ребятами. Но мне это не мешало, во всяком случае, я этого не замечал. Я был не против того, чтобы раньше других окончить школу. Это давало мне ощущение своей ненормальности, но в положительном смысле. Кроме того, я был необычайно высокого

роста. В двенадцать лет во мне было почти шесть футов⁸. Конечно, мне это помогало. Высокорослые люди обычно бывают уверенными в себе. Это доказывает история – Александр Македонский, Уилт Чемберлен⁹, Жизель¹⁰. Кто в компании самый высокий, тот и главенствует, и я всегда был главным. В возрасте четырнадцати лет я подал заявление на работу в компанию по телемаркетингу. Когда я пришел на собеседование, маленький Уилли Ломан, управляющий магазином, спросил, как я считаю, почему он должен взять меня на работу. Я сказал: «Ну, прежде всего, приняв меня, вы могли бы уволить нескольких бестолковых работников. Я не вижу здесь незаменимых». И я получил эту работу.

Но знаете что? Особенным меня делали не высокий рост, не моя самоуверенность и не способность быстро читать и перемножать в уме трехзначные числа. Моя особенность заключалась в том, что меня не интересовало общение с другими ребятами. Я не знал счастья иметь друзей – все они казались мне ограниченными и неразвитыми подростками, которые притворяются другими, стараясь произвести впечатление друг на друга, увлекаются пошлой музыкой и сексуальными фильмами, во всеуслышание рассказывают, где купили себе джинсы. Помимо самой учебы и нескольких учи-

⁸ Примерно 1,83 м. (*Примеч. пер.*)

⁹ **Уилт Чемберлен** (1936–1999) – американский баскетболист. (*Примеч. пер.*)

¹⁰ **Бюндхен Жизель** (р. 1980) – бразильская супермодель, одна из самых известных в мире. (*Примеч. пер.*)

телей, в старших классах меня интересовали только сплетни. Я просто обожал обсуждать моих одноклассников. Да, в этом стыдно признаваться, но это правда. Мы обсуждали, кто с кем встречается, почему такая-то считает себя красавицей, а такая-то сделала аборт, и все это анализировалось самым подробным образом. Некоторых ребят мы обсуждали каждый день. Для нас они были кем-то вроде знаменитостей. Конечно, были и совсем неинтересные ребята, о которых мы никогда не говорили, но в этом разделении тоже крылся свой маленький смысл – ведь для характеристики личности сплетника важно как то, кого он презирает, так и то, кто представляет для него интерес. Вы интуитивно устанавливаете это разграничение. Что я могу сказать, Виктория? Да, я сплетник, не отрицаю. Меня это привлекало, и я стал сплетником. Но только потому, что я стремился понять, правильно или нет я оцениваю того или иного человека. Как я мог относиться к этим ребятам, если даже не знал, какие они на самом деле? А я этого не знал! То есть, конечно, я знал, видел, как они ведут себя, но это дело другое. Я начал размышлять, как узнать то, что скрыто от постороннего взгляда? Что я упускаю? Что все упускают? Эти мысли преследовали меня, и я стал следить за людьми. Я шел за ними следом до дома, прячась в кустах. Люди часто подшучивают над чудаками, которые прячутся в кустах, но я делал именно это. Я был типичным мальчишкой в кустах.

Особенно мне запомнился один эпизод. Я решил следить

за одним мальчиком с длинными лохматыми волосами и в очках с толстыми стеклами. Не помню, почему я его выбрал. Наверное, потому, что за ним легко было следить. Он жил недалеко от меня. Вечером я говорил дома, что иду в библиотеку колледжа на окраине города, а на самом деле пробирался на задний двор этого мальчишки. Комната мальчишки располагалась на втором этаже, поэтому первые несколько вечеров я наблюдал за его родителями через окно в гостиной, которая была под его спальней. Они только и делали, что смотрели телевизор, но зато оба находились в одной комнате. Все время они проводили вдвоем, следовательно, не могли быть сами собой. Поэтому моей главной целью был мальчик, и я пошел на риск. Я забрался на громадное дерево, которое росло на заднем дворе, и уселся на толстом суку, как библейский Закхей¹¹. Я смотрел прямо в спальню мальчика, который играл в компьютерные игры. Это было невероятно! Я помню до мельчайших подробностей тот вечер – впервые я мог наблюдать за другим человеком, а не за собой. Он ничего не делал, но ничего не делал на самом деле. Никакого притворства. Никакого контроля над собой. Я видел его таким, какой он есть, настоящим. Да, понимаю, это может показаться извращенным любопытством, но это не совсем так. Болезненная страсть к подглядыванию за другими не имеет с

¹¹ **Закхей** (Ев. от Луки, XIX, 5–8: 11) – богатый иудей, начальник сборщиков податей, живший в Иерихоне. Его любопытство и желание видеть Христа были так сильны, что ради этого, будучи малого роста, он влез на смоковницу. (*Примеч. пер.*)

этим ничего общего. Я не получал пошлого удовольствия от того, что вижу то, чего не должен видеть. Я познавал, учился. Это было чем-то вроде школы.

Так вот, этот мальчик, этот подросток – я даже не помню его имени, а фамилия его была Свенсон – чаще всего играл в видеоигры. В гонки на автомобилях, вроде Pole Position. В таком препровождении времени не было ничего примечательного. Но иногда он занимался и кое-чем другим. Время от времени и всегда как-то вдруг он оставлял игру, включал плеер и имитировал исполнение песни, которую слушал. Он устраивал спектакль, но только для самого себя. И он не играл на воображаемой гитаре, как это показывается в кино и роликах с роком, скорее спектакль можно было сравнить с бродвейским мюзиклом. Он изображал пантомимой содержание песни, шевелил губами, подпрыгивал на кровати или кружился по комнате, как женщина в танце. Он ставил одни и те же песни с одного диска и включал звук на полную мощность. Когда его окно было открыто, до меня долетали слабые отголоски музыки, под которую он устраивал свои представления. Rush¹². Он слушал Rush – «2112»! Да никто из наших ребят в школе и слушать бы не стал этот альбом. И он никогда не говорил своим друзьям об этом альбоме. Дело в том, что я знал этого паренька. Он даже считал меня своим другом. Я видел его каждый день, точнее, не его, а ту его версию, которую он притаскивал в школу. На геометрии он

¹² Канадская хард-рок-группа. (Примеч. пер.)

сидел позади меня, а на французском – напротив, в соседнем ряду. Два года подряд мы вместе занимались на уроках физкультуры. Я знал, о чем он говорит, и знал вещи, которые, как он притворялся, ему нравятся. И могу вас заверить, что мальчик, которого я знал по школе, никогда бы не подумал слушать Rush. Никогда! Ни в коем случае! И все-таки... и сейчас это кажется таким понятным. на самом деле он его слушал. На самом деле ему нравилась эта группа. Он любил Rush. Видимо, эта музыка была для него важнее всего того, что он любил на публике, потому что именно ее он слушал и исполнял, когда был самим собой. Альбом «2112» давно уже вышел из моды, но он только его и любил, любил таким, каким он был. И меня это завораживало. Меня завораживал этот пустяк, который на деле был далеко не пустяком – его тайная влюбленность в этот альбом. Его тайные представления в спальне, в которых не было ни малейшего притворства. Меня так и подмывало спросить его об альбоме. Я все собирался подойти к нему и небрежно сказать: «Привет, Свенсон. Как тебе нравится канадское трио? Скажи что-нибудь. Они трогают тебя за душу? Не хочешь сделать доклад про их песню Anthem?» Но, конечно, я этого не сделал. Слишком рискованно. Я только наблюдал за ним в окно. Со временем я потерял к нему интерес и стал следить за кем-то другим. Но Свенсон был первым. Он был первым человеком, которого я знал настоящим.

Полагаю, это именно та информация, которую вы ждете.

Вам нужно, чтобы я подробно рассказал о своей жизни в школе и в колледже и обо всем, что, предположительно, сделало меня таким, какой я есть. И, возможно, я расскажу обо всем этом, поскольку сеансы проходят нормально, а нам с вами необходимо понять мои проблемы. Может быть, расскажу, но, может, и нет. Но сейчас, так сказать, для разгона я хочу объяснить, для чего я создал костюм и изобрел крем. Вы возразите, что можно было обойтись и без этого. Ведь есть и более доступные средства для слежки. Например, прослушивание телефонных разговоров. Скрытые видеокамеры, детекторы движущихся объектов. Я страшно интересовался скрытыми видеокameraми и использовал их для слежки за студентами колледжа, которые жили со мной в одной комнате. Часто, когда я прятал их под кроватью или за панелями потолка, они хотя бы отчасти помогали достичь моей цели. Но все эти устройства не дают эффекта присутствия. Если вы хотите знать, что происходит за закрытыми дверями, нужно тайно присутствовать в комнате, верно? Даже если это в тысячу раз труднее. Даже если костюм и крем неудобны и мне приходится терпеть ужасные муки. Я уже никогда не буду чувствовать себя прежним, никогда. Но это нужно было сделать.

Примечание для К. Бампуса. Теперь я понимаю, что мне следовало остановить Игрека на этом моменте и попросить более подробно рассказать о «костюме

и креме». Может быть, он согласился бы. Но в свое оправдание хочу подчеркнуть, что мне по-прежнему казалось, что «костюм и крем» существовали только в воображении Игрека. Кроме того, я старалась не нарушать заранее оговоренные условия Игрека – не прерывать его. Тогда мне было важнее заслужить его доверие, чем удостовериться в правдивости его заявлений. Если вам интересно, что я подумала, когда он начал говорить о «костюме и креме», мой ответ будет простым. Я подумала: «Любопытно, что будет дальше?» Я решила, что, как и другие пациенты, Игрек, почувствовав себя комфортно с психоаналитиком, дав выход своим фантазиям, передает мне свое представление о себе. Идея «костюма», «маски» – распространенные символы для человека, который скрывает от окружающих свое «я». Идея «крема» сначала показалась мне намеком на сексуальную озабоченность, которой прежде Игрек не проявлял. Я была искренне захвачена этими откровениями и хотела услышать как можно больше. Только потом я поняла, что напрасно молчала, не расспрашивала его более подробно. Но я слишком долго ждала, когда он почувствует себя полностью раскрепощенным со мной.

– Кажется, я уже упоминал, что разработка и создание костюма и крема финансировались второй администрацией

Буша, путем предоставления обычных грантов, но фактически через АНБ¹³. Я тогда работал на Гавайях. Сначала мы занимались созданием оптического камуфляжа для различных местностей, идеи, заимствованной из проектов Токийского университета, только в Чеминейде мы больше применяли метаматериалы¹⁴, а уж потом перешли на работу над костюмом. Должен сказать, что я до сих пор не знаю, планировалось ли использовать костюм во время боевых действий или для разведки. Понятно, в лаборатории это бурно обсуждалось. И всегда поднимался главный вопрос: должны ли мы принимать от военных деньги на эти разработки, если они собирались использовать костюм и крем в настоящей войне, поскольку в этом случае они становились своего рода оружием. Никто из этих высоколобых умников не желал работать над средствами вооружения. Они были типичными моралистами. Я относился ко всему этому иначе, отчасти потому, что был моложе их, но, главное, у меня было более разностороннее образование и широкий кругозор. На последнем курсе университета я увлекся химической инженерией, но в аспирантуре заинтересовался социологией, а сразу после этого – психологией. Пару лет я занимался журналистикой. Я был способным музыкантом, неплохим драматургом. Я посещал семинары по проектированию городов, изучал органическое земледелие. Полтора года я потратил на самостоя-

¹³ АНБ – Управление национальной безопасности. (Примеч. пер.)

¹⁴ **Метаматериал** – композиционный материал. (Примеч. пер.)

тельное изучение математики, после чего всерьез вернулся к естественным наукам. Не могу назвать научную дисциплину, которая не волновала бы мой ум, пожалуй кроме истории. Я никогда бы не посмел назвать себя «человеком эпохи Возрождения», но что-то вроде этого во мне было. А в Чеминейде буквально все сотрудники, кроме меня, занимались исключительно научными исследованиями, поэтому их представления о жизни были по-детски ограниченными и – по правде говоря – наивными. Для них главный вопрос заключался в следующем: стоит ли принимать участие в проекте, который финансируется военными и цель которого неизвестна. И при этом они считали позволительным заниматься любыми технологиями, лишь бы им сказали, что это делается ради каких-то высоких идей! Другими словами, если они занимались оружием, но не знали, что это оружие, то работали над ним, не испытывая нравственных терзаний. И даже не задумывались о том, что результаты нашей работы могут быть использованы во зло, считали, что это уже от них не зависит. Они не подвергали сомнению указания руководства, даже если те были полной нелепостью или заведомой ложью. Только бы их совесть была чиста! Но поскольку правительство прямо не говорило, зачем ему нужны эти маскировочные средства, весь проект начал понемногу тормозить и разваливаться. Многие из моих коллег пришли к заключению, что наши разработки вообще не собираются использовать. Раз никто не объяснял, для чего нужна эта маскировка,

значит, решили они, это просто очередной научный эксперимент. По их мнению, отсутствие четкого объяснения означало, что костюм просто не может иметь практического применения. С другой стороны, они считали – если работа ведется без ясно обозначенной, конкретной задачи, то само собой напрашивается подозрение, что ее результаты будут использованы для чего-то сомнительного. А это означало, что они сознательно работают над заведомо опасным проектом. Мы же все, разумеется, понимали, что эти костюмы для чего-то предназначались. Раз на работу выделялись колоссальные деньги, то в итоге ожидался какой-то конкретный законченный продукт. Не станет же АНБ растрачивать такие средства ради эксперимента как такового. Но всех волновало отсутствие внятного задания. Другими словами, если бы военные хотя бы намекнули, для чего мы разрабатываем технологию маскировки, большинство моих коллег этим удовлетворилось бы. Я уверен, что каждый в Чеминейде чувствовал бы себя совершенно спокойно, если бы АНБ состряпало любую фальшивку насчет целей создания костюма. Они могли сказать что угодно, например, прислать нам разъяснение по электронной почте примерно такого содержания: «Мы намерены использовать эти костюмы для проникновения солдат в зоны боевых действий таким образом, чтобы они могли незаметно для сил противника оказывать экстренную помощь в перемещении гражданского населения в безопасные зоны». Этого было бы более чем достаточно. Насколько я понимаю,

это действительно могло быть их целью! Но поскольку агентство и не думало давать нам какое-либо вразумительное объяснение, люди стали понемногу увольняться, так сказать, по этическим соображениям. Первые несколько человек ушли из лаборатории под какими-то серьезными предложениями, а через какое-то время ее стали покидать и все остальные. Одни ушли из-за того, что до этого уволились их любимые коллеги. Другие – потому, что эта надуманная нравственная проблема дала им предлог вернуться на материк. А третьи – просто оттого, что по натуре были овцами, которые всегда следуют за первыми смельчаками. Естественно, это сыграло мне на руку. Когда в итоге проект был полностью закрыт, я остался в лаборатории совершенно один, так что спокойно забрал все наши материалы и продолжил работу у себя дома. Я, конечно, не вор, но так уж все сложилось. Я бросил все остальные свои занятия и целиком ушел в работу над костюмом, которая заняла у меня три года. Никто ничего не заметил. Проект не был засекреченным, поскольку для этого не было оснований. Я просто упаковал все материалы в коробку, вынес ее из лаборатории и погрузил в свою машину. Никто даже не поинтересовался, что это я выношу, а все наши коллективные наработки и вычисления хранились в общем компьютере. И если уж честно, то ведь большая часть работы была проделана лично мною. Один я сразу оценил ценность этой идеи. А я всегда предпочитал работать в одиночестве.

В этот момент вопреки нашей договоренности я прерва-

ла Игрека. Я прямо заявила ему: «Я не понимаю, о чем вы говорите и к чему ведете». В тот момент так оно и было. Читая это позже, я видела, куда вел весь этот длинный монолог, – но это позже, когда я уже знала, что случилось впоследствии. Я ему не верила и всеми силами пыталась понять, зачем он рассказывает мне эту явно вымышленную историю.

– А я и не ожидал, Вики, что вы это поймете. Надеюсь, вы не обиделись, потому что я не хотел вас обидеть. Да и вряд ли кто другой способен понять суть моего изобретения. Я рассказываю вам кое-какие подробности только для того, чтобы мы с вами поняли мои реальные проблемы, из которых ни одна не имеет отношения к науке. Понимаете, у меня была цель, и я создал то, что позволяло ее достигнуть. Но тут и начались проблемы. Пожалуй, мое положение можно уподобить состоянию художника, который получил все, что ему нужно для творчества, и обнаружил, что теперь ему предстоит самое трудное – само творчество. Я хотел изучать поведение людей наедине с собой, и я создал средство, которое позволяло мне это сделать. Казалось бы, все очень просто. Вопросы значения и нравственности науки меня не волнуют. Я просто хочу, чтобы вы четко поняли, что я делал. И предупреждаю – когда мы перейдем к рассказу о моих поступках, я не намерен каждые десять минут отвлекаться на объяснение технических подробностях маскировки. Это и ученому трудно объяснить, что уж говорить о медике. Вам придется

примириться с неким когнитивным диссонансом¹⁵. Вы ясно дали мне понять, что эти сеансы проводятся для моей пользы и что я сам могу определять, о чем мы будем говорить. Вот я и говорю вам, о чем хочу говорить. А что, для вас это представляет проблему?

Я уверяю Игрека, что это вовсе не проблема, но мне трудно понять, о чем мы говорим, если он не объяснит, что мы будем обсуждать.

– Что именно из моего рассказа вам непонятно? Не обижайтесь, но я действительно не могу выразиться яснее. Я понимаю, все это очень сложно, но я просто не могу объяснить вам то, что вы не в силах понять. Ну попробуйте представить, что вы живете одна. Я знаю, что вы не одна, но просто представьте себе это. Представьте, что вы тихо и уединенно живете в квартире с одной спальней на окраине города. А теперь представьте, что у вас в квартире появился кто-то еще. Представьте, что какой-то незнакомец ухитрился незаметно проникнуть в ваш дом и просто притаился где-то в углу и наблюдает за вами. Этот незнакомец увидел бы вас такой, какая вы есть, настоящей, без всяких прикрас и ухищрений, не так ли? Он узнал бы вас так глубоко, как дано только вам самой. Он увидел бы все уловки, к которым вы прибегаете, чтобы посторонние составили о вас определенное представ-

¹⁵ **Когнитивный диссонанс** – состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований. (Примеч. пер.)

ление. Он познал бы вещи, забыть которые уже никогда не сможет. И разве такое могло не сказаться на нем? Он мог почувствовать себя подлым преступником, злился бы на весь белый свет и в конечном счете перестал бы себя уважать.

С людьми я чувствую себя одним человеком, а наедине с собой становлюсь совершенно другим. И вряд ли я смогу избавиться от этого раздвоения. Так вот, я хочу научиться управлять собой настоящим и своими поступками. И я серьезно намерен это сделать, поэтому позвоню вам на следующей неделе. Я обязательно позвоню вам.

До свидания, Вики. По-моему, сеанс прошел нормально.

Окончание телефонного сеанса № 1

Примечание. Видимо, мне будет труднее справиться с проблемами Игрека, чем я думала. Он с детства страдает навязчивыми идеями, которые теперь переплелись с особым представлением о реальности. Игрек не только не в состоянии отделить свою реальную жизнь от воображаемой, создается впечатление, что он выстраивает свою действительную жизнь в соответствии с воображаемым представлением о себе. Теперь я уже сомневаюсь в причастности Игрека к науке, поскольку он упорно избегает каких-либо научных объяснений. Надо будет непременно помочь Игреку понять и признать, что на самом деле он вовсе не ученый.

Но, кажется, он действительно какое-то время жил на Гавайях.

Более глубокая проблема заключается в его страстном желании проникнуть в сущность людей и в том, как он объясняет это желание. Его история о наблюдении за мальчиком через окно кажется правдоподобной – хотя не совсем ясно, почему он придает такое значение музыке группы Rush. Но его упорное утверждение, что он подглядывал за людьми исключительно из научных интересов, вызывает большие сомнения. Все признаки указывают на глубоко одинокую и замкнутую личность – видимо, неумение поддерживать с кем-либо близкие, откровенные отношения свойственно ему с раннего детства и со временем привело к душевному расстройству. Если он говорит правду о том, что не один, а даже два раза перескакивал через классы, то мне стоит ознакомиться с литературой о том, как это влияет на психику подростка. Игрека необходимо вырвать из воображаемого мира. Но он очень упрям, так что сделать это будет весьма непросто.

Второй важный телефонный разговор

18 апреля (Игрек звонит в офис, 10:05 утра)

– Вики, привет. Как поживаете? Надеюсь, хорошо. Итак, кажется, в прошлый раз мы остановились на...

Я не даю ему продолжить, говорю, что всю неделю обдумывала его рассказ и мне необходимо кое о чем спросить его. Явно недовольный, он спрашивает, о чем именно. Я говорю: «О костюме и креме. Я хочу понять, что такое костюм и крем». Он спрашивает, что конкретно меня интересует. Когда я говорю, что буквально все, он так мелодраматично вздыхает, что этот вздох запечатлелся на магнитофонной пленке, словно это запись радиопостановки.

– Но, Вики, об этом мы уже говорили. И я не собираюсь обсуждать все снова. Почему вы не задали мне эти вопросы, когда я сказал об этом в первый раз? Я не собираюсь платить за то, чтобы читать вам лекции о молекулярной физике. Да и с какой стати? Может, вы объясните, какой мне смысл тратить деньги на то, чтобы вы могли сделать вид, что понимаете вещи, которые просто недоступны вашему пониманию?

Я прошу у него прощения. Признаюсь, что в подобных ситуациях я часто извинялась перед Игреком, но и думать не могла, что когда-нибудь он обратит мою деликатность против меня. Я спросила, не даст ли он мне описание, ка-

кой-нибудь конспект об использовании костюма и крема. Он сказал: «Меня не удивляет, что вам так нравятся конспекты». Когда я сказала, что такой ответ можно расценить как оскорбительный, он извинился.

– Простите, если я задел вас. Сожалею, что вы восприняли мою шутку иначе, чем я рассчитывал. Я не хотел вас обидеть.

Определив его уязвимое место, я снова спросила, не может ли он хотя бы приблизительно описать костюм и крем. И он опять тяжело вздохнул.

– Что ж, хорошо. Не знаю, поможет ли это, ну да ладно. Так вот, примитивно говоря, над каким проектом мы работали на Гавайях. Вам знакомо имя Филипа К. Дика?¹⁶ Вы читали его книгу «Помутнение»? По ней еще сняли фильм, анимационный. Правда, я его не видел, но не важно. Главное, это футуристический роман о принуждении человека к наркотикам, и полицейские офицеры в этой книге носили нечто, что называлось «скрэмбл съют». В книге «скрэмбл съют» – это сверхтонкий материал, который полицейский натягивает на тело как оболочку. Он изготовлен из эластичных кварцевых линз, а суть в том, что этот костюм позволяет вам принимать обличье сотен разных людей попеременно. Собственно, он делает человека похожим на всех и при этом ни на кого конкретно. Это, конечно, чистая фантастика. Но, понятно, военных заинтересовала эта идея. Они да-

¹⁶ **Филип Киндред Дик** (1928–1982) – американский писатель-фантаст. (Примеч. пер.)

ли нам задание создать костюм, в котором человека невозможно или очень трудно увидеть. Все мы в Чеминейде понимали, что идея подсказана этой книгой, хотя открыто об этом никто не говорил, а так, только между собой. Потому что те, кто работает в научных лабораториях, обычно увлекаются фантастикой. Просто поразительно, как часто военные черпают идеи из такой псевдонаучной фантастики, как, например, фильмы типа «Стартрек» или «Война миров Z», книги Артура Кларка. Однажды они даже пытались с помощью генной инженерии создать в Гренландии целое семейство вуки. Я не шучу. Они хотели создать целую армию этих проклятых Чубакк для рукопашной борьбы в арктическом климате. Они пытались реализовать свою идею целых десять лет. У меня есть фотографии. У одного из моих коллег вроде бы были образцы их волос, но, по-моему, это был мех обыкновенного яка.

Во всяком случае, дело происходило так. Нам велели создать эти маскировочные костюмы, хотя – как я уже говорил – никто из нас не знал, для какой цели. Но невозможно же создать ткань, которая вдруг становится невидимой. Это бред, полная чушь!

Но мы нащупали идею, которая сразу показалась нам более или менее подходящей. Требовалось создать костюм, то есть прозрачную оболочку, отражающую свет, но покрытую вязкой жидкостью. Жидкость должна была улавливать этот отраженный свет и перемещать его под каким-то углом. В со-

став жидкости входили так называемые метаматериалы, потому что составляющие их элементы меньше длины световой волны. Вам понятна идея? Помните, мы об этом уже говорили? Мы назвали разрабатываемый нами вязкий крем «озоновой жидкостью», потому что он был создан приблизительно по образцу озонового слоя, поглощающего ультрафиолетовые лучи: свет должен был проникать сквозь крем, но не отражаться наружу. Вот где нам помог роман «Помутнение». Существуют некоторые природные вещества – в частности, кварц, – у которых есть свойство отражать свет к его источнику, почти как у зеркала. И если вы составите комбинацию из таких веществ в определенной последовательности, то каждое из них будет отражать общий источник света волнами различной длины. Именно это свойство мы и старались придать крему: он содержит кристаллические метаматериалы, каждый из которых по-своему преломляет свет. Но верхний слой этого крема не дает свету проникать наружу, образуя свою собственную видимую оболочку, которая имеется и у костюма. Понятно, что это было самым главным – создать крем, который позволяет световым лучам пройти сквозь эту верхнюю оболочку, попасть на поверхность костюма, обладающего высокими отражательными свойствами, отразиться от него и затем уже отразиться от внешней оболочки, то есть от крема. Но мы никак не могли добиться, чтобы он отражался под нужным углом. Он должен был отражаться под тупым или острым углом. Ведь нам нужно бы-

ло, чтобы этот отраженный свет двигался, перемещался. Мы хотели, чтобы он перемещался на сто восемьдесят градусов от источника света. Наша гипотеза – которая на самом деле принадлежала мне, поскольку я делал самые сложные расчеты, – исходила из того, что за спиной человека, облаченного в этот костюм, неизбежно возникало пятно света, поскольку отражение происходило с обеих сторон одновременно и с одинаковой скоростью. Это пятно света преодолевало сопротивление оболочки крема и становилось так называемым видением третьего лица. Таков был план.

Это вам понятно? Хотя бы немного?

Что это означало в мире трехмерного пространства? Это означало, что любое третье лицо, которое смотрит на человека в костюме, увидит то, что находится прямо у него за спиной. Если человек в костюме стоит перед кирпичной стеной, то третье лицо будет видеть кирпичи. Эти кирпичи будут лишь отражением настоящих, но будут совпадать с остальной стеной. Изображение будет не совсем точным, но достаточно похожим, чтобы обмануть того, кто не знает, на что он смотрит.

Ну-с, вы удовлетворены?

«Не совсем», – говорю я.

– Разумеется. Да и как иначе? Я уже настолько упростил смысл идеи, что и сам едва ее понимаю. Нет, Вики, серьезно, не забивайте себе голову всей этой научной белибердой. К чему это? Вам нужно понять только одно. В лаборатории Че-

минейда мы создали нечто вроде маскировочного костюма ниндзя. Своим покроем он больше напоминал детскую пижаму. Через два года я закончил дома работу над прозрачным кремом. Еще десять месяцев у меня ушло на создание из него аэрозоля, чтобы его можно было наносить на кожу так же легко, как туалетную воду из флакона под давлением. Это оказалось труднее, чем я думал, намного труднее. Мне удалось этого добиться только путем проб и ошибок. Не хочу и вспоминать этот период моей жизни, настолько он был напряженным и утомительным. Но я уже сказал, эти подробности не имеют значения.

Итак, когда я надеваю этот костюм ниндзя, тщательно бреюсь, надеваю защитные очки, опрыскиваю костюм, руки, ноги и лицо этим аэрозолем, он вызывает эффект оптического обмана. Вы не можете меня видеть. Вы видите только то, что находится у меня за спиной, и воспринимаете это ложное изображение со скоростью света. И, как я сказал, поскольку эта технология сдвигает источник света, то мое искусственное изображение получается размытым, нечетким и смутным. Если хотите, то представьте разницу между картинками телевизора высокой четкости и обычного телевизора. Совпадение будет не идеальным, но достаточно близким.

Ну как, вы удовлетворены?

Я оставляю вопрос без ответа.

– Вики, постарайтесь понять, что ваше желание во всем разобраться только затрудняет вам работу со мной. Я пони-

маю, что все это очень странно и необычно. Но на самом деле не настолько уж странно, как вам сейчас кажется. Просто я получил то, что требовалось военным, то есть средство стать невидимым. Возможно, им это нужно было для того, чтобы убивать афганских диссидентов, но у меня были совершенно другие цели. Я не террорист. Я обыкновенный человек. Так мы можем вернуться к проблемам, которые для нас важны?

«Да», – говорю я. Но затем у меня вдруг вырвались слова, вызвавшие у Игрека бурное возмущение. Я сказала: «Мне просто трудно поверить, что вы человек-невидимка».

– Силы небесные! Неужели вы действительно это сказали? Или я пьян? Или мы с вами малые дети? Вы действительно врач, психоаналитик? Да где вы учились? Вас заставляли там читать книги или вы получили свою степень по Интернету? Вики, поймите, я не человек-невидимка. Сейчас не пятидесятые годы прошлого века. Люди не могут быть невидимыми. Уж извините, если разочаровал вас. Если предмет не сделан из стекла или плексигласа, то вы ничего сквозь него не увидите, неужели непонятно?! Я не выпивал какое-то снадобье, после чего становился невидимым. Я не царь Лидии Гигес. Нет такой вещи, как волшебное кольцо. Я не надеваю шапку-невидимку. Все происходит не так, как вы вообразили. Я вовсе не был невидимым. Господи Боже! Или вы не знаете, как работает у человека зрение? Невидимый человек был бы совершенно слепым. Это вы хоть понимаете? Если бы его сетчатка была прозрачной, она не регистрировала бы

попадание на нее света. Даже обидно, честное слово. Я потратил столько сил, чтобы объяснить вам суть маскировки – хотя понимал всю бесполезность, ведь вы не ученый – и что же я слышу! Вы думаете, я Уэллс. Впрочем, вы вряд ли знаете, кто такой Герберт Уэллс. Должно быть, вы не изучали его в университете Феникса. Он наверняка не значится на их главной странице. А вы знаете Чеву Чейза?¹⁷ Однажды он был невидимкой. Может, вы думаете, я похож на Чеву Чейза? Знаете, кто это? Вы видели фильм «Флэтч» или сюжет показался вам слишком запутанным? Или вы фанат Кевина Бэкона?¹⁸

Я заявляю Игреку, что он ведет себя просто неприлично, что, если он будет и дальше вести себя в том же духе, я прерву сеанс.

– Тогда, может, нам действительно лучше закончить разговор?

Долгая пауза.

– Ну хорошо. К черту мои намерения. Напрасно я наговорил вам все это. Простите, если я задел ваше самолюбие. Вы уже взрослый и умный человек. Просто... Скажите, вы это серьезно? Про человека-невидимку? Но вы же понимаете, что физические объекты не могут быть невидимыми, ни при каких условиях. Да им и не нужно быть таковыми. В том-

¹⁷ **Чеву Чейз** (р. 1943) – американский актер, снимающийся преимущественно в эксцентрических кинокомедиях. (Примеч. пер.)

¹⁸ **Кевин Бэкон** (р. 1958) – знаменитый американский актер. (Примеч. пер.)

то и дело. Одна из главных вещей, которую я узнал за время своих наблюдений, это что люди едва замечают то, что находится у них прямо перед глазами. У всех нас устоявшееся представление об окружающем мире, и это представление само себя воспроизводит. Вы наверняка слышали знаменитое выражение «Люди видят то, что хотят видеть», но это не совсем так. Правильнее было бы сказать:

«Люди видят то, что, по их мнению, должно быть видно». Если нет ощущения какого-то движения или неожиданных звуков, у нас в мозгу возникает представление о месте, которое запечатлелось у нас в памяти. Люди смотрят на мир, не видя ничего, что находится вне их бессознательных ожиданий.

Я живо помню несколько вечеров, которые я провел в Далласе, проникнув в дом человека, у которого была очень нервная и физически тяжелая работа. Это было приблизительно два года назад. Он уходил на работу ранним утром и возвращался поздно вечером. Приходил он грязный и невероятно утомленный – даже не реагировал на телефонные звонки, не проверял, кто ему звонит. И вот он принимал душ, засовывал замороженную пиццу в духовку, выпивал стакан холодного чая и в одних штанах усаживался перед телевизором. Около одиннадцати ложился спать. С точки зрения наблюдателя он не представлял никакого интереса. Но я на всю жизнь запомнил, до какой степени он не замечал ничего вокруг. Будто он пребывал не в конкретном помещении,

а в безвоздушном пространстве. На стенах его гостиной висели четыре картины, на которых были изображены женщины. Не фотографии, а графические портреты. Вы слышали группу «Дюран Дюран»?¹⁹ Эти рисунки чем-то напоминали обложку их альбома «Рио»: по-моему, дешевка, но на вкус рабочего привлекательная. Я почти уверен, что он заменил ими рекламные постеры Меган Фокс²⁰ или Дирка Новицки²¹, решив, что уже вырос из детских штанишек. Так вот, на третий день, когда он был на работе, я поменял местами два из этих портретов в стиле «Рио». И меня ничуть не удивило, что он этого не заметил. Я мог бы спокойно перевешивать их каждый день. Мог бы повесить там портрет своей работы. В тот вечер я сидел почти рядом с этим невероятно уставшим полуголым человеком. Я уселся на ковре футах в восемнадцати слева от его дивана. Диван его стоял посередине жилого помещения, наподобие острова. Я тоже был открыт со всех сторон. Если не считать костюма, я даже не прятался. Но он вел себя по-прежнему. Он просто уставился в экран телевизора своими большими карими и пустыми глазами. У

¹⁹ Английская поп-рок-группа, образованная в Бирмингеме в 1978 году. (*Примеч. пер.*)

²⁰ **Меган Дениз Фокс** (р. 1986) – американская актриса и фотомодель. Наиболее известна ролью Микаэлы в фильме «Трансформеры» и «Трансформеры: Месть падших». (*Примеч. пер.*)

²¹ **Дирк Вернер Новицки** (р. 1978) – немецкий баскетболист, выступающий за команду Национальной баскетбольной ассоциации «Даллас Маверикс». (*Примеч. пер.*)

него глаза были как у лошади. И вообще он чем-то походил на лошадь. Я подумал: «Да заметила бы меня эта ломовая лошадь, если бы я не был в костюме?» Откровенно говоря, сомневаюсь. Seriously, очень сомневаюсь. Что он видел? Не думаю, что он был способен видеть хоть что-то, будь то реальное или воображаемое. И он был не единственным.

Окончание телефонного сеанса № 2

Примечание. Это становится проблемой. Просто не знаю, что делать. Согласившись на условия Игрека (поддерживать разговор, тему которого определяет он сам), я позволила ему нести весь этот бред. Теперь он уверен, что может спокойно рассказывать о себе любые небылицы, не обращая на меня внимания. Более того, его яростная реакция на робко выраженное мною недоверие заставляет думать, что его психика расстроена более, чем я предполагала. Он создал для себя огромный внутренний мир – что-то вроде комиксов, где он – блестящий ученый, превратившийся в аморального супергероя. И еще – его богатые подробностями фантазии относительно тайного проникновения в дома незнакомцев предполагают наличие серьезных нарушений психики и представляют реальную опасность. Пока что не верю, что Игрек совершил какие-то поступки, которые могут быть расценены как преступные, но кто знает? Нужно положить этому конец. Во время следующего разговора по телефону постараюсь уговорить Игрека явиться ко мне лично, а там уж надо

как-то убедить его обратиться в больницу для прохождения психологических тестов и возможного лечения. Мне самой не справиться с таким серьезным случаем.

Ужасно расстроена таким поворотом событий, но что делать? Я не в состоянии помочь этому человеку. Я не психиатр.

Третий важный телефонный разговор

25 апреля (Игрек звонит в офис, 10:01 утра)

– Вики, привет. Надеюсь, крыша вашего дома не прохудилась и вас не заливают. (Примечание для читателей: в Остине несколько дней шли затяжные дожди.) В такую погоду мне обычно снятся странные сны. Абсолютно не связанные с реальностью, какие-то невероятные приключения. Например, этой ночью мне снилось, что я разговариваю со своей беспутной сестрой. На самом деле у меня никакой сестры нет. Так вот, мы спорили насчет ее приемных детей, и у меня было четкое представление об этих детях и о том, как их воспитывать. Я знал все особенности поведения этих воображаемых детей, усыновленных моей несуществующей сестрой. В разговоре я упоминал наши с ней детские игры, ссоры, начавшиеся, когда она училась в старших классах, словом, разные эпизоды из далекого детства. А потом вдруг все изменилось. Сестры уже рядом не было, а я оказался в Венеции. Я шел по городу в одиночестве и рассматривал гондолы на каналах. Разумеется, я никогда не бывал в Венеции и даже не собирался ее посетить. Поэтому, видимо, я видел Венецию такой, какой она была в моем представлении, верно? Не уверен, видел ли я когда-нибудь фотографии Венеции, хотя, наверное, виды этого города знакомы каждому. А то от-

куда бы я знал, как эти гондолы выглядят? Так или иначе, но, гуляя по городу, в котором на самом деле я никогда не был, я каким-то образом знал, что моя беспутная сестра, которой на самом деле у меня не было, уже умерла. Я снова начал волноваться о ее несуществующих детях – кто будет растить их, платить за уроки тенниса и всякое такое. Кажется, в канале плавала какая-то кошка, а может, сотни котят и одна большая кошка. Хотелось бы, чтобы сон что-то подсказал мне, чему-то научил. Но это, конечно, невозможно. Сны обманывают. Вы знаете, ведь Фрейд был кокаинист. Такой же, как герой фильма «Лицо со шрамом». А кто, кроме наркомана, мог поверить во всю эту чушь о снах? Разговоры и разные события, которые сняты людям, лишены какого бы то ни было смысла. Пожалуй, за исключением сна, в котором вы стоите перед зеркалом в ванной и вдруг видите, что у вас начали выпадать зубы – просто поразительно, что многим снится именно этот сон. Какой образ возникает в нашем коллективном подсознании при слове «пережевывать»? Вероятно, что-то связанное с лошадьми.

Ладно, прежде чем мы начнем, я хотел бы взять небольшой...

Я прервала Игрека и попросила разрешения задать ему несколько вопросов – не касающихся направления разговора, а просто несколько конкретных вопросов, чтобы он подтвердил или опроверг их. Я пояснила, что мне важно установить некоторые факты, прежде чем мы пойдем дальше.

Он согласился на мою просьбу. Вот эти вопросы и его ответы.

Вопрос. Вы – ученый. Скажите, это утверждение верно? Вы – ученый?

Ответ. Гм, да.

Вопрос. И вы имеете высшее образование и работали в качестве научного работника?

Ответ. Что? Да.

Вопрос. И одним из мест вашей научной работы был университет Чеминейд на Гавайях, а вашим главным научным проектом было создание костюма, который – хотя и не делал вас невидимым – позволял вам невидимо проникать в чужие дома, это так?

Ответ. Да. Конечно да. К чему вы клоните? Я что-то упустил?

Вопрос. И в итоге вы использовали этот костюм в своих личных целях?

Ответ. Нет. Не в своих личных целях. Вы неправильно толкуете то, что я рассказал.

Вопрос. Но вы пользовались этим костюмом, чтобы проникать к людям в дома?

Ответ. Да, но для того, чтобы наблюдать за ними. Это была чисто научная цель. Я тысячу раз это подчеркивал. Я ничего у них не крал, если вы на это намекаете. Я не вор. Я подглядывал не для удовлетворения своей похоти. Я вовсе не согладатай. Вы ведь так подумали, да? Что я какой-то со-

глядатай да еще воришка?

Вопрос. Ничего такого я не думаю. Но мне нужно спросить вас еще об одном. Могу я предположить, что вы обратились ко мне для того, чтобы поговорить о негативном влиянии на вашу жизнь возможности наблюдать за людьми при помощи костюма, который позволял вам становиться невидимым?

Ответ. Да-да! Конечно! Неужели последние два месяца я разговаривал сам с собой? Почему вы просите меня объяснить то, что я вам уже подробно объяснил?

В этот момент я и предложила Игреку прийти на сеанс в мой офис. Сказала, что больше не могу помогать ему по телефону.

– Что? Почему? С чего это вдруг? И что мы от этого выиграем? Я думал, мы уже договорились. Я назвал вам несколько обязательных условий наших сеансов. Какая разница, будем мы общаться по телефону или лично? Вы же не возражали против телефонных сеансов, это даже не обсуждалось! Мне удобнее разговаривать с вами по телефону. Это позволяет мне рассуждать более спокойно и ясно. И... больше меня устраивает. Я человек занятой. Неужели вы не понимаете, что я чертовски занятой человек? Зачем мне приходиться к вам в офис и сидеть там, как какая-нибудь пациентка, страдающая послеродовой депрессией? Это не для меня.

В ответ я назвала Игреку несколько веских доводов в пользу личных консультаций: их интимность, важность

невербального общения, установление доверительных отношений между нами, чего почти невозможно достичь по телефону, и т. п. На самом деле это не так, я просто пыталась убедить Игрека.

– Все это полная чушь и выдумки! Если бы это было правдой, вы должны были сразу мне это сказать, когда я позвонил вам в первый раз. У вас какие-то свои причины. Я вас насквозь вижу! Чего вы добиваетесь? Хотите своими лошадиными глазами увидеть этот костюм? Или не увидеть этого человека-невидимку, как вы продолжаете меня называть? Уж не влюбились ли вы в меня? Или в свое детское представление о человеке-невидимке? Но он не реален, Вики. Это всего лишь роман. Такого существа не было и нет. Постарайтесь это понять. Я обыкновенный человек. Вы видели сотни, тысячи таких людей, как я. У вас что, нет мужа? Любите своего мужа.

Я попросила его успокоиться. Сказала, что это было не личное, а профессиональное предложение.

– Но профессиональное предложение должно быть обосновано какими-то конкретными причинами, ясными и понятными нам обоим. А вы оперируете абстракциями. Ваши аргументы – вздор, полная чушь! Вы просто используете специальные термины, чтобы показать, что это предложение профессионала, врача. А я настаиваю на том, что это именно личное предложение. Если вы не назовете мне настоящие причины необходимости нашей встречи, я отказываюсь по-

нимать, чем мое появление у вас может нам помочь.

Тут я сказала, что принимаю его возражения, и извинилась. Затем объяснила ему истинные причины моего желания встретиться с ним: я просто не верю тому, что он мне рассказывает, а также считаю, что ему нужна помощь другого рода. Кроме того, у меня сложилось о нем представление как о неплохом и весьма умном человеке, понимающем, что у него серьезные проблемы с психикой, но ему еще не поздно вернуть себе здоровье. Я добавила, что, очевидно, я не тот специалист, который может ему помочь, но могу связать его с нужным человеком. И еще раз подчеркнула – скорее всего, он уже сам это понимает. Игрек выслушал меня, не перебивая, а затем сказал следующее:

– Это интересно, Вики-Вик. Признаться, я не ожидал услышать от вас столь откровенное мнение обо мне. Удивлен не собственно вашим мнением, а тем, что вы решились его высказать. Я действительно изумлен. И все же я предполагал нечто в этом роде.

Я ведь уже говорил, кто я и почему к вам обратился. Но, оказывается, вы мне не верите. Вы думаете: «Это какой-то новый вид психического расстройства». А может, вы думаете, что это уже известное врачам расстройство, но, так сказать, осовремененное. Вот что говорит вам разум. Вы же врач, психоаналитик, так что считаете себя в некотором роде человеком науки, а им свойствен рационалистический взгляд на вещи. То есть вы считаете себя рационалистом, ко-

торый помогает людям изменить их искаженное представление о действительности на нормальное. Ведь в этом и состоит ваша работа, не так ли? Ваша работа – разговаривать с людьми, которые воспринимают свою жизнь нерационально, и попытаться склонить их в сторону рационального взгляда. Этика не позволяет вам советовать, как они должны рассуждать и что чувствовать, хотя именно этого они от вас и ждут. Вы можете только задавать им наводящие вопросы, чтобы заставить их разговаривать с самими собой. «Если они услышат, что говорят, – думаете вы, – они поймут, насколько превратно их представление о вещах». Вы думаете, что у них нереальные отношения с миром, что они слишком углублены в себя, в свой внутренний мир. Вот как вы должны рассуждать, чтобы делать свою работу. Поэтому, когда я звоню вам по телефону и говорю, что совершал все эти странные и невероятные поступки, объясняю, что я совсем не такой, как те люди, с которыми вы имели дело, вы не можете поверить мне на слово. Ваша самоидентификация говорит вам, что в мои невероятные истории положительно нельзя верить и что я самый обыкновенный человек, просто живущий в мире иллюзий. Поэтому вы просите меня прийти к вам в офис. Вы хотите доказать самой себе, что у меня совершенно иные проблемы, чем те, которые я обрисовал вам два месяца назад. Но, честно говоря, мне кажется, вы понимаете, что я говорил вам правду. Не думаю, что я сказал хоть что-то, во что вы не верите. Только вы никогда это не признаете, ина-

че нарушатся ваши отношения с реальностью. И вы стараетесь избежать конфликта. Возможно, вы надеетесь, что, если вы потребуете моего личного присутствия, а я откажусь, это положит конец нашим отношениям. А может, вы думаете, что я приду к вам и признаюсь, что все это было изощренной мистификацией, подстроенной кем-то из ваших коллег, и тогда вы испытаете одновременно и смущение, и облегчение. В данный момент вы находитесь в странном положении: вы не позволяете себе поверить в то, во что на самом деле верите. И, желая найти выход из этого тупика, вы меняете условия нашей совместной работы. Но это абсолютно неверное решение. И я это прекрасно понимаю.

Позвольте мне рассказать вам одну историю. Не знаю, поможет ли она вам понять, в какой мы ситуации, но все-таки попытаюсь. Это было в Кливленде несколько лет назад. Кажется, с тех пор прошло три года. В Кливленде я провел четыре месяца, наблюдая за его жителями, выбранными наугад. Это было трудно, потому что в Кливленде буквально все водят машину. Как в Лос-Анджелесе. Найти подходящий объект было невероятно трудно. Ведь мне нужно было днем отыскать незапертую машину, провести в ней несколько часов в ожидании хозяина, а потом затаиться на заднем сиденье, пока он едет домой. Затем необходимо было как-то пробраться в дом, который по большей части оказывался где-то за городом, в Лейквуде, Мэйфилде или Кливленд-Хайтсе. С одной стороны, проникнуть в отдельно стоящий дом лег-

че, чем в квартиру, поскольку в современных домах имеется много уязвимых мест для доступа. Механика этого дела очень проста. Но, с другой стороны, зачастую наблюдение за человеком в пригороде заканчивается тем, что вы оказываетесь в совершенно пустынной и незнакомой местности. В случае непредвиденных обстоятельств мне приходилось бесконечно долго добираться до центра города, где я временно снимал квартиру. Порой я был вынужден пешком проделывать весь обратный путь, так как в Кливленде попросту отсутствует общественный транспорт, а было бы слишком рискованно похитить чужую машину. Но сейчас все это уже не важно. Я хочу рассказать вам об одном парне, за которым я наблюдал почти неделю. Его звали Брюс.

Первый раз я обратил внимание на Брюса в баре. Бары – отличное место для выбора объекта. Если человек, за которым вы начали следить, хотя бы слегка выпил, можно действовать более смело. В автомобиль пьяного хозяина легче проникнуть. Достаточно заставить его споткнуться, когда он открывает дверцу со стороны водителя. Вы наступаете ему на ногу и одновременно толкаете плечом. И не важно, что он чувствует этот толчок – он всегда думает, что это ему просто показалось. Пьяные во всем винят себя. Если пьяный не видит, кто его толкнул, он сразу решает, что, видимо, нагрузился больше, чем думал. Иной раз такой подвыпивший парень упадет на землю и хохочет над собой – ему нравится, что он до того накачался, что на ногах не стоит. Вот в этот

момент вы и проникаете на заднее сиденье. Ну а затем вам приходится ехать с человеком, который слишком пьян, чтобы осознать, что кто-то сбил его с ног. Это, конечно, опасно. Но в принципе люди вполне сносно водят машину в пьяном состоянии, как, например, в Кливленде. Еще я узнал, что закон слишком строго относится к выпившим водителям, во всяком случае в Огайо.

Но Брюса мне не пришлось сбивать с ног. С ним вообще не было хлопот. Я наткнулся на него ближе к вечеру в одном ирландском баре. Дело было осенью, солнце уже садилось. Он выпивал со своими приятелями по работе – это было сразу понятно, потому что они ввалились в бар целой компанией и называли друг друга по именам. Их было пятеро, всем лет под тридцать. Я смотрел на них в окно и прикидывал, за кем буду следить. У двоих были обручальные кольца, поэтому я сразу их отверг. Помните, я слежу за людьми, когда они находятся в одиночестве. Это мой принцип. Из трех оставшихся двое показались мне подходящими кандидатами, третий парень был слишком красивый и слишком общительный. Я подумал, что у него дома может оказаться любовница или какая-то случайная девица. Он мне не подходил. Мне нужен был человек, вряд ли имеющий друга, который в любое время мог бесцеремонно ввалиться к нему в дом. Брюс был похож на такого. У него был грустный и рассеянный взгляд человека, который в колледже часто прогуливал занятия. Кстати, как и у парня, что сидел рядом. Они выпили

по три и четыре пива, практически не разговаривая. Никто из пятерки не напился. Вышли они тоже все сразу. Сначала я нацелился на другого одиночку, тихого парня, не Брюса. Он был более смуглым, носил толстые очки и какую-то дикую стрижку. Такого типа ребята в подростковом возрасте увлекаются ямайской музыкой. Преимуществом Брюса было то, что у него отсутствовали какие-либо особенности. Он был самым обычным американским парнем. По его внешности ничего нельзя было понять.

Поскольку мой объект не был слишком пьян, а на дворе еще не совсем стемнело, я решил, что лучше отвлечь его, когда он откроет дверцу водителя. Я думал дождаться, когда он станет забираться на сиденье, и в этот момент изо всей силы ударить по заднему бамперу его «ниссана». Я рассчитывал на то, что он вылезет из автомобиля посмотреть, что там стукнуло, в этот момент я и заберусь в салон через открытую дверцу. Честно говоря, такие вот задумки проходят успешно лишь в четверти случаев, но что делать? Так и учишься на своих ошибках. Однако на этот раз все сложилось на удивление удачно, мне даже не пришлось исполнять свой план, так как Брюс открыл дверцу и вдруг медленно пошел в сторону. Дверца оставалась распахнутой секунд пятнадцать – двадцать. Он подошел к одному из своих приятелей и сказал: «Так мы будем делать ставки или нет?» Тот ответил: «Даже не знаю. Анкуан Болдин вечно получает какие-то травмы. Давай я посмотрю расписание и еще подумаю». Все прошло

просто замечательно. К тому моменту, когда Брюс включил зажигание, я уже удобно расположился на заднем сиденье. Брюс был рассеянным. Рассеянный Брюс. Я бы сказал – это было все равно что отнять у ребенка конфету, только дети поднимают визг. Так что провести Брюса оказалось еще легче.

Наконец мы добрались до его дома, который находился в месте, название которого я даже не слышал. У большинства мужчин в возрасте двадцати пяти лет нет собственного дома с четырьмя спальнями, расположенного в полутора часах езды от места работы, а вот у Брюса оказался именно такой дом. Это было необычно. Брюс поставил машину в гараж и не спеша вошел в дом. Я последовал за ним через пять минут – он не запер за собой дверь. Брюс уже сидел за компьютером и мастурбировал. Это может показаться извращением, но вы поразитесь, насколько это распространено: мужчины возвращаются домой, переодеваются и мастурбируют. В этом нет ничего от секса. Им просто нужно избавиться от напряжения. Это вроде как выбросить мусор. Я наблюдал примерно за тремя сотнями мужчин, которые занимались этим делом, и, кажется, ни один не испытывал удовольствия. То есть, может, они его и получали, но, глядя на них, этого нельзя было сказать. Я даже не думаю, что им очень нравится смотреть все эти порнографические видео. Нет, это просто экономит им время. Вы знаете, мужчины настолько ленивы, что им даже лень представить себе обнаженных женщин, проще запу-

стить какое-нибудь видео.

Так или иначе, но я уже у него в доме. Это всегда самый приятный момент, так как означает, что все получилось. Я всегда так напряжен, проникая в чье-то жилище, что, оказавшись на месте, даже не знаю, что делать. Мне хочется как-то отметить удачу, поздравить себя с тем, что я такой умный и ловкий. Но в этот момент надо подыскать какой-нибудь удобный уголок и устроиться в нем. Мне приходится сдерживать дыхание, чтобы не быть услышанным. А еще нужно подготовиться к неизбежной и страшной скуке – ведь зачастую одиночки ничего не делают. Весь вечер они буквально ни черта не делают. Просто развалятся в кресле или на диване и таращатся в экран телевизора. У меня нет своего телевизора, но из-за моих «подопечных» я насмотрелся всяких телешоу, чемпионатов по гольфу или бейсболу, политических дебатов, бесконечных ток-шоу. И среди них, конечно, «Закон и порядок». Почему-то эта передача очень нравится одиночкам. Они предпочитают прямые трансляции. Еще они платят за весь цикл телефильмов Нетфликса²² и готовы покупать все, что Нетфликс продвигает как популярные фильмы. Почти наверняка я видел все эпизоды «Прослушки», но ни разу в нужной последовательности. Так что так и не понимаю, в чем там дело.

²² Англ. Netflix Prize – открытое соревнование на лучший алгоритм предсказания оценки, которую зритель поставит фильму, на основе предыдущих оценок этого и других зрителей. (Примеч. пер.)

Но Брюс немного другой. Брюс не смотрит телевизор, хотя он у него ультрасовременный, он его не включает. Брюс из тех людей, что живут в Интернете. У него в доме вся мебель обтянута кожей, но он весь вечер сидит за столом. Он часами играет в «Риск» по Интернету: включает одновременно шестьдесят или семьдесят игр – все против пришельцев, которых он никогда не видел в действительной жизни. Он постоянно бесплатно скачивает музыку – так он скачал живой альбом Пола Саймона, послушал секунд тридцать первый трек и больше его не проигрывал. Он читает целую кучу политических блогов, почти всегда оставляя свои комментарии, обычно с едким сарказмом, но иногда просто ставя значок LOL²³. Он смотрит все клипы на Ютубе и оставляет короткие критические отзывы о тех, что ему не понравились. Раз десять за вечер он обновляет свою страницу в Фейсбуке и ставит лайк фотографиям мертвого дикобраза, который лежит рядом с пустой бутылкой шампанского. Книг он не читает, но подолгу торчит на веб-сайте reads.com. Он просматривает все отзывы на Amazon и пишет свои отзывы о том, что узнал. По сравнению с другими людьми, за которыми я наблюдал, Брюс ведет довольно интересную жизнь. Он не мрачен и не угнетен, во всяком случае, не был таким при мне. Никогда не вздыхает, не плачет. Но я заметил одну особенность в его работе на компьютере: он постоянно прерывает ее и сочиняет электронное письмо. Одно письмо одно-

²³ Сокр. от англ. Lots of Laughs – «надорвешься от смеха». (Примеч. пер.)

му человеку. Он открывает свою электронную почту, пишет несколько предложений, затем стирает их, закрывает почту и занимается чем-то еще. Сначала я решил, что он пишет много посланий множеству людей, но оказалось, что он работает над одним-единственным посланием. Это было письмо примерно в сотню слов одной женщине по имени Сара. Он работал над этим письмом словно над скульптурой. Он писал: «За долгое время никаких разговоров, – стирал фразу и писал: – Прошло уже много времени после нашего последнего разговора. – Потом стирал и это и набирал: – Это было уже давно, верно?» Совершенно невинная фраза, но он набирал множество вариантов, расхаживал по гостиной, произносил их вслух, словно вслушиваясь в их звучание. Он все время придумывал какие-то шутки насчет того, что его работа намного скучнее ее работы, но, видимо, его останавливало опасение обидеть ее. В первый же вечер моего присутствия он писал и переделывал это письмо раз пятьсот – но ни разу не провел за его сочинением больше пяти минут подряд. Он что-то добавлял, что-то убирал, а потом снова возвращался в Интернет, где проводил очередную четверть часа. Потом опять возвращался к письму, работал над его содержанием еще пять минут, и весь процесс повторялся снова и снова. Наконец, часа в два утра, он отправил свое послание, и оно оказалось абсолютно тривиальным и неинтересным. Я читал его через его плечо. Ни романтики, ни юмора, ни блеска. Абсолютный ноль. Я смотрел, как он нажимает

кнопку «Отправить». Он неподвижно смотрел на монитор и громко дышал с открытым ртом. Будто он смотрел на близкого человека, умирающего в больнице, с болью понимая, что ничем не может ему помочь. В конце концов он делает единственное, что остается делать после того, как отправлено письмо, о котором он не может не думать: он перечитывает свое отправленное письмо целых сорок пять минут, тщательно анализируя каждую строчку, будто это Книга откровений. Видеть это было невыразимо тяжело. Я ужасно ему сочувствовал. Это терзало его, точнее, он сам себя изводил. Я испытал огромное облегчение, когда он улегся спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.